

СВЕРЧОК

СО СТАНЦИИ «ТАЙМС-СКВЕР»

Джордж Сэлден

СВЕРЧОК
СО СТАНЦИИ «ТАЙМС-СКВЕР»

Гарта Уильямса

РИСУНКИ

Приключения МЫШОНКА, КОТА и СВЕРЧКА в большом городе.

Мышонок Ломтик думает, что повидал все на свете. Но вот сверчков он не встречал никогда. И неудивительно! Потому что Ломтик и его друг кот Гарри живут на станции метро. А сверчок Честер вовсе не собирался покидать родной луг. Жил бы он и жил себе на лугу, если бы не соблазнительный аромат ливерной колбасы, что донесся из чьей-то корзинки для пикников. Так Честер попадает в большой город и, как всякий турист, хочет узнать его получше. Ну а для этого у него есть такие замечательные друзья, как Ломтик и Гарри. Однако очень скоро выясняется, что у Честера есть совершенно особый талант и маленький деревенский сверчок способен кое-чему научить жителей стремительного города.

Книга про Сверчка, поселившегося на станции метро, стала классикой детской литературы, по ней снят мультипликационный фильм, а в 1961 году книга стала лауреатом премии Ньюбери.

«Невероятное литературное удовольствие для читателей от девяти до девяноста лет с волшебными иллюстрациями Гарта Уильямса». The New York Herald Tribune

«Восхитительное чтение для всей семьи». The Horn Book Magazine

www.careerpress.ru

ISBN 978-5-00074-317-1

9 785000 743171 >

**Сверчок
со станции
«Таймс-сквер»**

ДЖОРДЖ СЭЛДЕН

Сверчок
со станции
«Таймс-сквер»

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ГАРТА УИЛЬЯМСА

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7COE)-44
С97

Перевод с английского – Ирина Ющенко
The Cricket in Times Square
George Selden

First edition: Farrar, Straus and Cudahy, New York, 1960

Сэлден Дж.

С97 Сверчок со станции «Таймс-сквер» / Джордж Сэлден [Пер. с англ. И. Ющенко]. – М.: Карьера Пресс, 2022. – 160 с. Илл.

Иллюстрации – Гарт Уильямс

ISBN 978-5-00074-317-1

Сверчок Честер никогда бы не покинул свой луг, если бы не соблазнительный аромат колбасы из чьей-то корзинки для пикника... Так он оказался в огромном городе, на людной станции метро. Но ему повезло познакомиться с мышонком Ломтиком, котом Гарри и мальчиком Марио, и они становятся его друзьями по приключениям. Однако очень скоро выясняется, что у Честера есть совершенно особый талант и деревенский сверчок способен кое-чему научить жителей стремительного города.

Книга про Сверчка, поселившегося на станции метро, стала классикой детской литературы, по ней снят мультипликационный фильм, а в 1961 году книга стала лауреатом премии Ньюбери.

Гарт Уильямс – чудесный иллюстратор, хорошо знакомый читателям по таким любимым книгам, как «Стюарт Литтл» и «Паутинка Шарлотты».

ISBN 978-5-00074-317-1

ДК 821.111(73)-93
ББК 84(7COE)-44

Copyright ©1960 by George Selden Thompson and Garth Williams

© 2018, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

Published by arrangement with Farrar Straus Giroux Books for Young Readers, and imprint of Macmillan Publishing Group, LLC. All rights reserved.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. <i>Ломтик</i>	1
Глава 2. <i>Марио</i>	8
Глава 3. <i>Честер</i>	18
Глава 4. <i>Кот по имени Гарри</i>	28
Глава 5. <i>Воскресным утром</i>	36
Глава 6. <i>Сай Фонг</i>	44
Глава 7. <i>Клетка для сверчка</i>	53
Глава 8. <i>Сбережения мышонка Ломтика</i>	61
Глава 9. <i>Китайская кухня</i>	75
Глава 10. <i>Званный ужин</i>	85
Глава 11. <i>Жук-поджигатель</i>	97
Глава 12. <i>Мистер Сидли</i>	107
Глава 13. <i>Слава</i>	117
Глава 14. <i>Орфей</i>	129
Глава 15. <i>Вокзал Гранд-Централ</i>	139

ГЛАВА 1

Ломтик

Мышонок глядел на мальчика по имени Марио.

Мышонка звали Ломтик. Ломтик сидел на краю старой водосточной трубы, выходившей на станцию метро «Таймс-сквер». Трубой давно не пользовались, и мышонок устроил в ней домик. Труба уходила в стену и там примерно через метр расширялась. В этом расширении Ломтик хранил клочки бумаги и лоскутки ткани, которые называл своей коллекцией. Ну, а когда он не был занят тем, что пополнял коллекцию (или, как он сам предпочитал говорить, «занимался снабжением»), и не спал, он любил устроиться у самого края трубы и наблюдать за бурлящей вокруг жизнью — по крайней мере, за той ее частью, что спешила куда-то на станции метро «Таймс-сквер».

Ломтик подобрал последние крошки (немногим раньше ему посчастливилось найти кусочек песочного печенья) и облизнул усы.

— Бедняга, — вздохнул мышонок.

Каждую субботу по вечерам он видел Марио за прилавком газетного киоска, который принадлежал

его отцу. По будним дням мальчик, разумеется, ложился спать рано, но в выходные должен был помогать папе Беллини в работе, которая кормила всю семью. Проходил вечер, наступала ночь, а Марио все стоял за прилавком. Папа рассчитывал, что открытый допоздна киоск привлечет пару-другую покупателей, которые иначе пошли бы за журналом или газетой в магазинчик покрупнее. Но тем вечером покупателей почти не было.

— Отпустил бы уж парня домой, — проворчал себе под нос мышонок Ломтик, обводя взглядом станцию.

Дневная суматоха давно утихла, рассеялись и вечерние толпы, возвращавшиеся домой из театра или после сеанса в кино. На длинной лестнице, что вела с улицы вниз, лишь изредка показывались запоздалые прохожие, но и они пробегали мимо киоска не останавливаясь. В этот час все спешили домой, в постель. Поезда на нижнюю платформу прибывали с очень большими перерывами. Долгая тишина, затем нарастающий рев, и вот из туннеля выкатывается вереница вагонов; пауза — одни пассажиры выходят, другие входят; и вновь рев нарастает, и поезд исчезает в темном туннеле. И опять тишина. Тишина и пустота. Станция ждет и не может дождаться, когда же появятся толпы, к которым она так привыкла.

Мышонок Ломтик снова поглядел на Марио. Мальчик сидел на трехногом табурете за прилавком. На прилавке были разложены журналы и газеты —

очень аккуратно, Марио сам их раскладывал. Этот киоск папа Беллини сделал своими руками много лет назад. Его сыну места за прилавком хватало, а вот мама и папа Беллини, когда приходила их очередь торговать газетами, втискивались внутрь с большим трудом. Сбоку от прилавка имелаась полка, на которой расположились маленький радиоприемник из магазина подержанных вещей, коробка бумажных салфеток (для мамы, которая страдала сенной лихорадкой), коробок спичек (для папы, который курил трубку), кассовый аппарат (для денег, хотя вот именно денег в нем было немного) и будильник (просто так). У кассового аппарата был всего один ящик, да и тот не закрывался. Дело в том, что однажды кассу заело, и ящичек, в котором находилось все состояние семейства Беллини, никак не желал выдвигаться, поэтому папа решил, что лучше и вовсе его не закрывать. Когда приходила пора запирать киоск на ночь, деньги так и оставались в кассе, и пребывали в полной безопасности, потому что папа сделал для киоска большие деревянные ставни с замком, и ставни эти закрывали собой все.

Сначала Марио слушал радио. Потом он его выключил. Вдали, в туннеле, показались огни приближающегося поезда-«челнока». На этом уровне другие поезда не ходили. «Челноки» курсировали по короткому маршруту от площади Таймс-сквер до вокзала Гранд-Централ и перевозили людей из под земки западной части города в восточную. Марио

знал почти всех кондукторов «челноков». Мальчик им нравился, и, когда выдавалась свободная минутка, они подходили к нему поболтать.

Поезд, со скрежетом затормозивший напротив киоска, принес с собой порыв разогретого воздуха. Из дверей вышло всего человек девять или десять. Ломтику очень хотелось, чтобы кто-нибудь из них остановился и купил газету.

— Свежие газеты, вечерний выпуск! — кричал Марио, пока пассажиры шли мимо. — Журналы!

Никто не остановился. Никто даже не посмотрел в его сторону. Марио без сил опустился на табуретку. За весь этот долгий вечер он продал всего пятнадцать газет и четыре журнала. Мышонок Ломтик, который у себя в трубе тоже вел счет, вздохнул и поскреб за ухом.

К киоску подошел Пол — кондуктор «челнока», друг Марио.

— Повезло? — спросил он.

— Нет, — ответил Марио. — Может, когда придет следующий поезд...

— Теперь до самого утра они будут все реже и реже, — сказал Пол.

Марио оперся подбородком на руку.

— Не понимаю, — сказал он. — Ведь суббота, вечер. А даже воскресные газеты никто не покупает.

Пол облокотился на прилавок.

— Ты сегодня что-то слишком засиделся, — сказал он.

— Завтра воскресенье, выплюсь, — ответил Марио. — И сейчас каникулы. Мама и папа меня заберут, когда будут ехать домой. Они пошли в гости к друзьям. Они только по субботам и могут куда-то сходить.

Из динамика раздался голос:

— Внимание, отправляется поезд на вокзал Гранд-Централ.

— Счастливо, Марио, — сказал Пол и шагнул к поезду. Но передумал, остановился, полез в карман и бросил на прилавок полдоллара. Марио поймал монету.

— Это за воскресный выпуск «Таймс», — сказал Пол и взял газету с прилавка.

— Подожди! — закричал ему вслед Марио. — Газета стоит двадцать пять центов! Возьми четвертак сдачи!

Но Пол уже прыгнул в вагон. Двери за ним закрылись. Сквозь окно было видно, как он улыбнулся и помахал мальчику. Поезд заурчал и тронулся, разгоняя темноту светом прожектора.

Мышонок Ломтик тоже улыбнулся. Ему нравился Пол. Ему вообще нравились люди, которые были добры к Марио. Однако час уже поздний: пора залезть в свою укромную норку и спать. Даже мышонок со станции метро под площадью Таймс-сквер не может бодрствовать сутки напролет. К тому же на завтра Ломтик планировал трудиться не покладая лап: собирать красивые штуковины для своей норки

и вынюхивать по углам лакомые кусочки, которые нет-нет да и падали с прилавков на платформе. И он уже повернулся, чтобы нырнуть в трубу, но вдруг услышал странный, незнакомый звук.

Мышонок Ломтик знал почти все звуки, какие только можно услышать в Нью-Йорке. Он знал, как рокочут поезда в метро, и знал, как на поворотах визжат о рельсы их железные колеса. Сверху, сквозь выходившие на улицы вентиляционные решетки, до него доносился монотонный шорох резиновых автомобильных шин, и криканье клаксонов, и скрип тормозов. А когда на станции бывало много людей, он слышал гул их голосов, а иногда — лай собак, которых некоторые приводили с собой на поводке. Он знал, как курлычут вездесущие нью-йоркские голуби и как кричат коты, знал даже, как чуть слышно гудят в небе над городом самолеты. Но никогда еще, ни в одном из своих странствий по самому большому в мире городу Ломтик не слышал звука, который походил бы на этот.

ГЛАВА 2

Марио

Марио тоже услышал этот звук. Мальчик встал и прислушался. Грохот поезда замер вдали. Сверху доносилось негромкое бормотание автомобилей на засыпающих улицах. На платформе царила звонкая пустота. И все же Марио слушал, слушал, в надежде вновь уловить загадочный звук... И звук раздался снова.

Он походил на мимолетное прикосновение смычка к скрипке, а может — на звон арфы, когда струны коснулась, тотчас отпрянув, чья-то рука. Если бы где-то в зеленом лесу далеко-далеко от Нью-Йорка, в самой чаще, глухой ночью отделился от ветки лист, падая, он издал бы именно этот звук.

Марио подумал, что уже слышал его когда-то. Однажды летом он гостил у друга на Лонг-Айленде, и днем, когда солнце перебирало золотыми пальцами высокую траву, Марио остановился на краю луга и услышал в точности такой же звук.

Вот только звенел он не в одиночестве, а разом с другими такими же, сливаясь с ними в единый хор.

А здесь, на станции, голос звучал одиноко и был едва слышен.

Марио вышел из киоска и замер в ожидании. Дождавшись новой трели, он пошел на звук. Звук доносился из угла за лестницей, что вела на Сорок вторую улицу. Тихо ступая, Марио подошел ближе. На несколько минут воцарилась шелестящая тишина. Тот, кто производил звук, услышал его шаги и затаился. Марио молча ждал. И вот звук раздался снова. Он доносился из кучки мусора и бумажек, которые ветер загнал к бетонной стене.

Марио присел на корточки и стал бережно разбирать бумажки. Каждую из них он осматривал, а потом откладывал в сторону. Чем дальше, тем грязнее становились бумажки. Наконец Марио поднял последнюю и начал ощупывать покрытый пылью и копотью пол. И вот в трещине он нашел то, что искал.

Это было небольшое насекомое сантиметра два с половиной в длину, покрытое грязью. У него было шесть ножек, два длинных уса и что-то похожее на пару крылышек на спине. Так осторожно, как только мог, Марио поднял насекомое и посадил себе на ладонь.

— Сверчок! — воскликнул он.

Сложив руку чашечкой и стараясь ею не шевелить, Марио пошел обратно к киоску. Сверчок был неподвижен. И тихих своих трелей больше не издавал. Он лежал у мальчика на ладони не шевелясь, словно спал или был напуган до смерти.

Марио вытащил из коробки бумажную салфетку и положил на нее сверчка. Второй салфеткой он стал оттирать с него грязь. Легкими движениями он провел краешком салфетки по твердой черной спинке, по усикам, ножкам и крылышкам. Мало-помалу грязь уходила. Сверчок, правда, все равно остался черным, но теперь его тельце и крылышки красиво заблестели.

Вычистив сверчка, насколько это было возможно, Марио выскочил на поиски спичечного коробка. Найдя пустой коробок на платформе, он выдвинул внутреннюю его часть, положил туда кусочек салфетки, а на салфетку посадил сверчка. Получилось отличное ложе. Марио показалось, что сверчку понравился новый дом. Маленькое насекомое немного поерзало и устроилось поудобнее.

Какое-то время Марио сидел молча и смотрел на сверчка. Он был так счастлив, что даже забыл кричать «Газеты!» и «Журналы!» при виде случайного прохожего.

Тут мальчику в голову пришла еще одна мысль: что, если сверчок голоден? Марио порылся в кармане курточки и нашел оставшийся от ужина кусочек шоколадки. Он отломил крошечку и протянул его сверчку на кончике пальца. Сверчок осторожно поднял голову, словно принюхиваясь, и откусил. Марио ахнул от восторга: сверчок ел у него с руки.

Мама и папа Беллини поднялись на платформу с нижнего уровня станции. Мама была невысокого роста (и немного более пухлая, чем она сама готова была признать). После подъема по лестнице она раскраснелась и тяжело дышала. Папа был высокий и сутулый, но от него исходила волна доброты. Казалось, что в глубине души папа всегда улыбается. Марио кормил сверчка и был так поглощен своим занятием, что не заметил родителей, даже когда они подошли к киоску.

— Ой! — сказала мама, наклонившись над прилавком. — Что это у тебя?

— Я нашел сверчка! — воскликнул Марио. Мальчик очень аккуратно взял сверчка большим и указательным пальцами и поднял, чтобы показать родителям.

Мама внимательно рассмотрела насекомое.

— Это жук, — вынесла она вердикт. — Выбрось его прочь.

Радость Марио увяла на глазах.

— Нет! — воскликнул он. — Это не просто жук! Это сверчок! Сверчки приносят удачу!

— Ах, удачу? — Когда мама считала, что ей морчат голову, она начинала говорить необычайно сухо. — Ну, раз эти сверчуки приносят удачу, то муравьи, наверное, еще лучше. А больше всего удачи от тараканов. Выбрось!

— Мама, ну пожалуйста, не надо! Пусть он живет у меня!

— У меня в доме никаких жуков не будет, — сказала мама. — Хватит с нас и тех, что в окна лезут. Все сетки в дырах! Этот твой как начнет сверчать, набегут его дружки, и будем мы жить по уши в сверчках.

— Да нет же, — упавшим голосом произнес Марио. — Я заделаю дырки в сетках.

Однако спорить с мамой было бесполезно, и он прекрасно это знал. Если мама что-то решила, спорить с ней — все равно что пререкаться со станцией «Восьмая авеню».

— Как торговля? — поинтересовался папа. Он не любил ссор и всегда старался их предотвратить. Поэтому он отлично умел менять тему разговора.

— Пятнадцать газет и четыре журнала, — сказал Марио. — И еще Пол только что купил воскресный номер «Таймс».

— А «Музыкальную Америку» или еще что-нибудь хорошее так никто и не покупает? — спросил папа, который очень гордился тем, что у него в киоске представлены все, как он говорил, «стоящие журналы».

— Нет, — ответил Марио.

— Если бы ты меньше игрался со сверчуками, продал бы больше, — сказала мама.

— Ну будет, будет, — успокоил ее папа. — Если никто не покупает, что ж тут поделаешь.

— А по сверчкам можно определять температуру, — сказал Марио. — Надо посчитать, сколько раз

в минуту он сверчит, поделить на четыре и добавить сорок. Они очень умные!

— Да кому нужны эти сверчуковые термометры! — махнула рукой мама. — Летом в Нью-Йорке известно какая температура — жара. А откуда ты столько знаешь о сверчуках? Ты что, сам сверчук?

— Мне рассказал Джимми Лебовски прошлым летом, — объяснил Марио.

— Ну так отдай своего сверчука Джимми Лебовски, раз он такой всезнайка, — сказала мама. — Жуки разносят заразу. Не смей нести его в дом.

Марио посмотрел на своего нового друга, который смирно сидел у него на ладони. А ведь еще минуту назад он, Марио, был так счастлив. Казалось, сверчок тоже все понял и расстроился. Он прыгнул на прилавок и залез в свой коробок.

— Можно держать его здесь, под прилавком, — предложил папа.

Марио подпрыгнул от радости.

— Да, и тогда его не надо даже брать домой! Я буду кормить его прямо здесь, он будет здесь жить, и ты его никогда не увидишь, — сказал он маме. — А на твое дежурство я его буду отсюда забирать.

Мама помолчала.

— Сверчук, — брюзгливо сказала она. — Зачем нам какой-то сверчук?

— А зачем нам какой-то киоск? — сказал папа. — Есть — и ладно, пусть будет.

Папа был не боец, но человек славный.

— Ты говорил, что разрешишь мне завести собаку, — сказал Марио, — а мы все равно ее не завели. И кошку не завели, и птичку, вообще никого. Я хочу, чтобы у меня жил сверчок.

— Тогда он твой, — сказал папа. А когда папа говорил с такой негромкой уверенностью, это значило — все, решено. Возражать ему не осмеливалась даже мама.

Она глубоко вздохнула.

— Ну что ж...

И Марио понял, что все получилось. Мамино «ну что ж» означало, что она сдается.

— Но только сначала надо будет посмотреть, как оно пойдет. Если к твоему сверчку явятся приятели или если он нас чем-нибудь эдаким заразит — ты его выкинешь.

— Конечно, мама, как скажешь, — согласился Марио.

— Помоги-ка мне закрыть киоск, — попросил папа.

Марио поднес коробок к глазам. Ему показалось, что сверчок повеселел, узнав, что остается с Марио.

— Спокойной ночи, — сказал ему Марио. — Утром я опять приду.

— Ты с ним еще разговариваешь! — ахнула мама. — У меня не сын, а какой-то сверчок!

Папа взял деревянный ставень с одного края, Марио подхватил с другого, и вместе они установили его на место. Папа навесил замок. Спускаясь вниз, к по-

М а р и о

ездам, Марио оглянулся через плечо. Он буквально чувствовал, как уютно устраивается в темноте спичечного коробка на своем ложе сверчок.

ГЛАВА 3

Честер

Мышонок Ломтик видел семейство Беллини и слышал, о чем они говорили. Если не считать «снабжения», больше всего на свете он любил подслушивать человеческие разговоры. Именно поэтому (а также по некоторым другим причинам) он и поселился на станции «Таймс-сквер». Когда Марио и его родители ушли, Ломтик храбро перебежал платформу и шмыгнул к киоску. Доски, из которых был построен киоск, в одном месте разошлись, и получился просторный проход, в который мышонок без труда пробрался. Он уже бывал в киоске, просто так, чтобы посмотреть. Он на мгновение замер под трехногим табуретом и дождался, пока глаза привыкнут к темноте. Потом взобрался на сиденье.

— Псст! — шепнул он. — Эй, там! Ты спишь?

Молчание.

— Псст! Псст! Эй! — шепнул Ломтик уже громче.

С полки у него над головой послышались скребущие звуки, словно кто-то осторожно продвигался вперед, нащупывая путь вслепую.

— Это кто там говорит «псст»? — произнес чей-то голосок.

— Это я, — сказал Ломтик. — Я тут, внизу, на табуретке.

Над краем полки показалась черная голова с блестящими черными глазками. Глазки смотрели на Ломтика.

— А кто ты такой?

— Я мышонок, — ответил Ломтик. — А ты кто?

— Я сверчок, и меня зовут Честер, — ответил сверчок. Голосок у него был тонкий и мелодичный. Что бы он ни сказал, казалось, будто он поет под какую-то неслышную музыку.

— Меня зовут Ломтик, — сказал Ломтик. — Можно я к тебе залезу?

— Наверное, можно, — ответил сверчок Честер. — Я же здесь не хозяин.

Ломтик пробрался на прилавок рядом со сверчком и внимательно осмотрел нового знакомого.

— Сверчок, — одобрительно сказал он. — Значит, ты сверчок. Я никогда еще не видел сверчков.

— А я мышей уже видел, — сказал сверчок. — В Коннектикуте их было много, я с ними дружил.

— Так ты из Коннектикута? — спросил Ломтик.

— Да, — ответил Честер. — Только вот не знаю, вернусь ли я туда когда-нибудь, — печально заметил он.

— Как же ты попал в Нью-Йорк? — спросил мышонок.

— Это долгая история, — вздохнул сверчок.

— Расскажи, — попросил Ломтик и сел на задние лапки. Слушать чужие рассказы он любил почти так же сильно, как подслушивать — если, конечно, рассказ был правдивый.

— Случилось все два, нет, три дня назад, — начал сверчок Честер. — Я сидел на своем пеньке, грелся на солнышке, думал — как здорово, что наконец пришло лето. Понимаешь, я живу в трухлявом пне у ивы и частенько выбираюсь на крышу оглядеться. А еще в тот день я тренировался прыгать. С другой стороны от ивы есть ручеек, и я через него скакал туда-сюда, чтобы ноги окрепли к лету. Понимаешь, мне много приходится прыгать.

— Мне тоже, — сказал мышонок Ломтик. — Особенно в час пик.

— И вот когда я закончил тренироваться, то почувствовал запах, — продолжал Честер. — Запах ливерной колбасы. Я ее так люблю!

— Что, правда? — перебил его Ломтик. — Ты любишь ливерную колбасу? Подожди, я сейчас! Только никуда не уходи!

Одним прыжком преодолев расстояние от прилавка до пола, он бросился к своей норе. Честер только головой ему вслед покачал. Какой же стремительный малый был этот Ломтик, другие мыши ему и в подметки не годились.

Гнездо, которое Ломтик устроил в трубе, представляло собой грудку бумажек, клочков ткани, пуго-

виц, потерянных бус, мелких монет и прочих вещей, которые только можно подобрать в метро. Ломтик бросился в эту грудку и стал разбрасывать ее направо и налево. Чистота и порядок не входили в число его жизненных целей. Наконец он нашел то, что искал: большой кусок ливерной колбасы, подобранный всего несколько часов назад. Ломтик отложил этот кусок себе на завтрак, однако теперь решил, что первую в жизни встречу со сверчком стоит, пожалуй, отпраздновать.

Зажав колбасу в зубах, он снова шмыгнул в киоск.

— Вот, смотри! — гордо сказал он, опустив колбасу на пол перед сверчком. — Ливерная колбаса! Ты рассказывай, рассказывай, а заодно и поедим.

— Спасибо тебе большое, — поблагодарил Честер, тронутый тем, что едва знакомый мышонок уже готов поделиться с ним пищей. — Я недавно съел кусочек шоколадки, а до того у меня во рту три дня не было ни крошки.

— Ешь, ешь! — сказал Ломтик. Помогая себе зубами, он разделил кусок на две части и отдал Честеру ту, что побольше. — Ты учуял ливерную колбасу — и что было дальше?

— Я спрыгнул с пня и двинулся на запах, — сказал Честер.

— Логично, — согласился Ломтик, успевший уже набить рот колбасой. — Я бы тоже двинулся.

— Запах шел из корзины для пикника, — продолжал Честер. — В двух или трех кочках от моего пня начинается луг. Туда пришли люди — много людей, — и устроили пикник. У них были с собой вареные яйца, холодная курятина, отбивные и куча прочей снеди. И сэндвичи с ливерной колбасой. Их-то запах я и почувял.

При одной мысли о таком обилии вкусной еды мышонок Ломтик запищал от удовольствия.

— Люди смеялись и пели песни. Им было хорошо, и они не заметили, как я прыгнул в корзину с едой, — продолжал Честер. — Я был уверен, что они не станут возражать, если я немножко попробую их сэндвичи.

— Конечно, не станут, — поддержал сверчка Ломтик. — С чего им возражать? Всем хватит. Я бы и сам так же поступил.

— Увы, должен признать, что пробой я не ограничился, — продолжил рассказ Честер. — Собственно говоря, я съел так много, что у меня стали слипаться глаза. Я ведь так устал, пока прыгал. И я заснул прямо в корзине. А проснувшись, обнаружил, что кто-то поставил прямо на меня пакет с остатками сэндвичей. Я даже пошевелиться не мог.

— Ничего себе! — воскликнул Ломтик. — Ловушка из сэндвичей! Хотя, знаешь, это не самый худший вариант...

— Поначалу я не особенно испугался, — сказал Честер. — Я подумал, что эти люди, должно быть, приехали из Нью-Ханаана или еще какого-нибудь

городка неподалеку. Рано или поздно они разберут корзину, и я убегу. Как я ошибался! — Он вздохнул и повесил голову. — Я почувствовал, что корзину куда-то несут. Ее поставили в автомобиль, долго ехали, а затем снова подняли. Должно быть, это была железнодорожная станция. Потом меня снова понесли. Вокруг стоял грохот и лязг, как от поездов. Тут уж я всерьез перепугался. Я понимал, что с каждой минутой меня уносит все дальше от родного пня, но поделать с этим ничего не мог. А сэндвичи были такими тяжелыми, что едва меня не раздавили.

— А ты не пробовал прогрызть путь наружу? — спросил Ломтик.

— Я не мог даже голову повернуть, — ответил Честер. — Но всякий раз, когда поезд встряхивало, я понемногу старался высвободиться. Мы ехали и ехали, а потом поезд остановился. Не знаю, где мы оказались, но, когда корзинку снова понесли, по шуму я догадался, что, должно быть, попал в Нью-Йорк.

— А ты здесь раньше бывал? — спросил Ломтик.

— Нет, что ты! — ответил Честер. — Но я слышан об этом городе. У меня была знакомая ласточка, которая рассказывала, что каждую весну и осень пролетает Нью-Йорк, когда летит на север и возвращается обратно. Но сам я сюда совершенно не собирался. — Он неловко потоптался сначала одной, а потом другой парой ножек. — Я провинциал, а не городской сверчок.

— Не волнуйся, — сказал мышонок Ломтик. — Я буду кормить тебя ливерной колбасой. Проживешь как-нибудь. А что было дальше?

— Почти ничего, — сказал Честер. — Люди сошли с поезда, долго шли, потом снова сели в поезд, вот только шума от него было еще больше, чем от первого.

— Это они, наверное, в метро сели, — подсказал Ломтик.

— Да, пожалуй, — согласился сверчок. — Только представь себе, как я напугался. Я ведь понятия не имел, куда меня везут! Удалось только разобрать, что они едут куда-то в Техас, хотя, по-моему, люди редко ездят на пикник из Техаса в Коннектикут.

— Мало ли что бывает, — кивнул Ломтик.

— Я ворочался изо всех сил, чтобы освободиться. Наконец мне это удалось. Когда они опять вышли из поезда, я раскрыл крылышки, прыгнул и приземлился прямо на груды мусора неподалеку от этого самого места, где мы сейчас.

— Да уж, ничего себе знакомство с городом у тебя вышло — в мусорной куче на станции «Таймс-сквер», — посочувствовал мышонок. — Э-хе-хе.

— Вот так я сюда и попал, — грустно подытожил Честер. — Три дня в ней сидел, все не знал, что мне делать. А потом мне стало так страшно, что я начал сверчать.

— Так вот что это было! — воскликнул Ломтик. — Я слышал, только не знал, что это за звук.

Честер

— Да, это я сверчал, — сказал Честер. — Обычно я начинаю сверчать не раньше середины лета, но господи боже мой, надо же было хоть чем-то себя занять!

Пока шел разговор, сверчок сидел на самом краю прилавка. Что-то — возможно, легчайшие шаги мягких лап, — привлекло его внимание, и он посмотрел вниз. Крадущийся под покровом тьмы неразличимый силуэт совершил гигантский прыжок и во мгновение ока очутился на прилавке рядом с Ломтиком и Честером.

— Берегись! — закричал Честер. — Кот!

И нырнул в спичечный коробок.

ГЛАВА 4

Кот по имени Гарри

Честер зарылся головой в салфетку. Он не хотел видеть, как будет убит его новый друг. Дома, в Коннектикуте, он иногда видел, как коты охотились на мышей на лугу, и исход схватки всегда был одинаков, если только мышь не успевала нырнуть в подвернувшуюся норку. Однако на сей раз кот напал молниеносно, и шансов сбежать у Ломтика не оставалось.

Кругом царила тишина. Честер поднял голову и очень осторожно оглянулся. Кот — огромный полосатый, как тигр, котище с серо-зелеными глазами и черными полосами по всему телу — сидел, обернув лапы хвостом. А прямо между передних лап, буквально в когтях врага сидел мышонок Ломтик и с любопытством смотрел на Честера. Сверчок изо всех сил замахал ножками, показывая, чтобы мышонок поднял глаза и посмотрел, кто над ним наклонился.

Ломтик преспокойно поднял голову. Кот посмотрел ему в глаза.

— А, — сказал Ломтик и передней лапкой пощекотал кота под подбородком, — это мой лучший друг. Вылезай из своей коробки.

Опасливо поглядывая то на кота, то на мышонка, Честер вылез наружу.

— Познакомься, Честер, это Гарри, — сказал Ломтик. — Гарри, это Честер. Он сверчок.

— Чрезвычайно рад знакомству, — бархатисто промурлыкал Гарри.

— Здравствуй, — поздоровался Честер. Ему было стыдно за ту суматоху, что он устроил. — Я испугался не за себя. Я думал, что кошки с мышами не дружат.

— В деревне, может, и так, — ответил Ломтик, — а в Нью-Йорке мы эти глупости давно бросили. Гарри — мой самый лучший друг. Он живет со мной в сточной трубе. Как у тебя сегодня со снабжением, Гарри?

— Не особенно успешно, — ответил кот. — Я навещал мусорные баки в Ист-Сайде, однако тамошние богатеи выбрасывают куда меньше мусора, чем следовало бы.

— Честер, издай для Гарри этот свой звук, — попросил Ломтик.

Честер поднял аккуратно сложенные вдоль спины черные крылышки и умело провел одним крылышком по другому. По станции разнесся громкий журчащий звук.

— Мило, очень мило, — одобрил кот. — У сверчка определенно талант.

— А я думал, ты поешь, — сказал Ломтик. — А на самом деле получается вроде скрипки. Ты водишь одним крылышком по другому, да?

— Да, — ответил Честер. — Летать на этих крылышках почти нельзя, а вот музыку играть мне нравится.

И он извлек из крылышек три краткие трели.

Мышонок и кот улыбнулись друг другу.

— От этих звуков мне самому хочется замурлыкать, — признался Гарри.

— Некоторые люди утверждают, что сверчок говорит «чи, чи, чи», — пояснил Честер. — А другие слышат «триит, триит, триит». Но мы, сверчки, знаем, что на самом деле звук совсем другой.

— А по-моему, ты делаешь «сверрч, сверрч, сверрч», — сказал Гарри.

— Вот за это его, наверное, и называли сверчком, — заметил Ломтик.

Троица рассмеялась. Оказалось, что Ломтик смеется тоненьким голоском, словно икает. Честер почувствовал себя гораздо лучше. Там, в грудe мусора будущее казалось ему мрачным и безрадостным, но теперь на душе у него полегчало.

— Можешь, поживешь немного в Нью-Йорке? — предложил Ломтик.

— Придется, пожалуй, — сказал Честер. — Я ведь не знаю, как добраться домой.

— Да ведь мы можем в любой день отвезти тебя на вокзал Гранд-Централ и посадить на поезд до

Коннектикута, — сказал Ломтик. — Но раз уж ты все равно приехал, как же не посмотреть город? Увидишь новых людей, вообще много всего нового. Этому мальчику, Марио, ты очень понравился.

— А его маме — не очень, — заметил Честер. — Она думает, что я заразный.

— Заразный! — презрительно повторил Ломтик. — Это она заразных не видела! Не бери в голову.

— Как жаль, что тебе не довелось завести друзей в более состоятельных кругах, — заметил Гарри. — Будущее нашего новоприбывшего друга представляется мне несколько пугающим.

— Верно, — грустно подтвердил Ломтик. — Эта семья вот-вот разорится. — Он вскочил на стопку журналов и при свете, который пробивался сквозь щели, стал читать заголовки. — «Новости искусства — Музыкальная Америка». Да кто будет это читать, кроме таких же волосатиков!

— Я не очень хорошо понимаю, когда ты так говоришь, — признался Честер. Дома он, бывало, слушал разговоры лягушек, и сурков, и кроликов, и даже змей, но никогда еще не встречал того, кто говорил бы как мышенок Ломтик. — Кто такие «волосатики»?

Ломтик поскреб за ухом и ненадолго задумался.

— Волосатик — это такой, знаешь, весь из себя ухоженный, — пояснил он. — Ну, афганская борзая, например — типичный волосатик.

— А афганские борзые читают «Музыкальную Америку»? — спросил сверчок.

— Читали бы, если б умели, — ответил Ломтик.

Честер покачал головой.

— Нет, в Нью-Йорке мне не прижиться, — сказал он.

— Еще как прижиться! — возразил Ломтик. — Послушай, Гарри, давай сводим Честера наверх и покажем ему Таймс-сквер! Хочешь, Честер?

— Да, пожалуй, — ответил Честер, хотя ему, по правде говоря, боязно было пускаться в путешествие по Нью-Йорку.

Кот, мышонок и сверчок спрыгнули на пол. Проход в стене киоска был достаточно велик, и в него без труда пролез даже Гарри. Пробегая по станции, Ломтик на ходу показывал сверчку разные местные достопримечательности, например «Закусочную Неддика» (возле нее Ломтик изрядно подзадержался) и «Лавочку Лофти», в которой продавались сладости. Наконец приятели добрались до сточной трубы. Чтобы не стукнуться головой, Честер вынужден был двигаться короткими невысокими прыжками. Труба то и дело изгибалась, поворачивала, от нее отходили в стороны трубы поменьше, но мышонок Ломтик уверенно прокладывал путь даже в полной темноте. Наконец Честер увидел над собой свет. Еще один прыжок — и вот он уже на тротуаре. И сверчок ахнул, замер и прижался к земле.

Они очутились на углу Таймс-билдинг — здания, занимающего собой южную оконечность площади Таймс-сквер. Запрокинув голову, сверчок увидел

уходящие в небо дома, похожие на горы из света. Было уже поздно, но неоновые вывески сияли ярко и празднично. На сверчка падали разноцветные отблески — красные, голубые, зеленые, желтые. Шум проезжающих машин смешивался с гулом людских голосов. Таймс-сквер походила на огромную раковину, внутри которой бьются волны шума и света. У Честера заныло сердце. Сверчок закрыл глаза. Для маленького сверчка, который не знал ничего выше своей ивы и ничего громче бормотания воды в бегущем ручье, увиденное было слишком ужасно и слишком прекрасно.

— Ну, как тебе? — спросил Ломтик.

— Ну... это... очень здорово, — промямлил Честер.

— Эх, видел бы ты, что тут бывает перед Новым годом! — сказал Гарри.

Постепенно глаза Честера привыкли к неоновому свету. Сверчок поднял взгляд. Высоко-высоко над ним, над Нью-Йорком, над всем миром висела звезда, которую он узнал, — это была та самая звезда, на которую он часто смотрел дома, в Коннектикуте. Спустившись обратно на станцию и забравшись в свой коробок, Честер стал думать об этой звезде. Ему было приятно сознавать, что здесь, в этом новом и непонятном месте, у него есть знакомая звезда, которая все так же подмигивает ему с небес.

ГЛАВА 5

Воскресным утром

Когда на следующее утро папа отправился открывать киоск, Марио пошел с ним. Обычно по воскресеньям мальчик любил поспать подольше, но в тот день он встал даже раньше родителей и все время торопил папу Беллини, упрашивая его выйти поскорее.

Когда ставни были убраны, Марио нетерпеливо полез в киоск. Мальчик поднял коробок и заглянул внутрь. Честер лежал на салфетке. Однако сверчок не спал, а ждал Марио. В знак приветствия он издал коротенькую трель.

Услышав эту трель, папа улыбнулся.

— Похоже, ему здесь понравилось, — сказал он. — Остался, не убежал.

— А я так и знал, что он не убежит, — ответил Марио.

На завтрак Марио принес сверчку корочку хлеба, кусочек сахара и кочанчик вареной брюссельской капусты. Он не знал, что едят сверчки, поэтому решил предложить ему побольше разного. Перепрыгнув мизинец Марио, Честер вскочил ему на ладонь, где

лежала еда. Дома, на лугу, сверчок питался листьями и травой, время от времени закусывая кусочком молодой коры, но хлеб, ливерная колбаса и шоколад, с которыми он познакомился в Нью-Йорке, тоже ему очень нравились.

Когда Честер наелся, Марио завернул остатки угощения в промасленную бумажку и спрятал в ящике кассы. Потом мальчик закрыл коробок со сверчком и побежал с ним к одному из ларьков.

— Смотри, — сказал он продавцу за стойкой, — он будет у меня жить. Это сверчок.

Продавца, курчавого рыжеволосого парня, звали Микки.

— Симпатичный сверчок, — заметил он, посмотрев на Честера.

— А можно мне стакан воды? Пожалуйста! — попросил Марио.

— Конечно, — ответил Микки и протянул мальчику стакан. Придерживая Честера за задние лапки, Марио стал осторожно опускать руку, пока голова сверчка не оказалась у самой воды. Честер окунул голову в воду и сделал большой глоток. Потом он вытащил голову из воды, вдохнул и снова стал пить.

— Посади его на край стакана, и пусть пьет, — посоветовал Микки. Зрелище его очень заинтересовало, ведь он никогда еще не видел, чтобы сверчок пил из стакана.

Марио посадил своего питомца на край стакана и осторожно отвел руку. Честер наклонился к воде.

Но стекло было слишком скользким. Сверчок упал в воду. Марио тотчас же вытащил его и обсушил с помощью бумажной салфетки. Впрочем, Честер не возражал против купания. Дома, в Коннектикуте, он не раз падал в ручей. Честер понимал, что в большом городе ему многому придется научиться — например, пить из стаканов.

— Как ты думаешь, сверчку понравится газировка? — спросил Микки.

— Думаю, да, очень, — ответил Марио.

— Какая? — спросил Микки.

Марио на мгновение задумался.

— Наверное, клубничная, — ответил он. Так уж случилось, что газировку с клубничным вкусом он любил больше всего.

Микки взял столовую ложку и капнул в нее клубничного сиропа. Затем добавил капельку сливок, брызнул газированной воды и положил комочек мороженого размером с ноготь большого пальца. Вот как готовят клубничную газировку для сверчков. Марио досталась такая же — побольше, чем Честеру, но все-таки совсем небольшая порция, потому что Микки угощал бесплатно.

Когда с угощением было покончено, Микки взял бумажный стаканчик и написал на нем: «Сверчок».

— Это будет его собственный стаканчик, — сказал он Марио. — Можешь приходить и поить сверчка всякий раз, когда будет нужно.

— Спасибо, Микки, — поблагодарил Марио и посадил Честера обратно в коробок. — Пойду сделаю ему домик.

— Приноси его еще, — крикнул ему вслед Микки. — Я сделаю ему десерт с мороженым!

Папа Беллини стоял за прилавком и беседовал с мистером Смидли. Мистер Смидли был самым лучшим его покупателем. Он преподавал музыку и ровно в десять тридцать утра в последнее воскресенье месяца, возвращаясь из церкви домой, покупал «Музыкальную Америку». В любую погоду он носил с собой длинный, аккуратно свернутый зонтик. Как обычно, папа с мистером Смидли говорили об опере. В семействе Беллини больше всего на свете любили итальянскую оперу. Зимой по субботам, когда по радио транслировали оперу, Марио и его родители сбивались в кучку у приемника на прилавке и слушали музыку, которая перебивала царящий на станции шум.

— Доброе утро, мистер Смидли, — поздоровался Марио. — А знаете, что у меня есть?

Мистер Смидли не знал.

— Сверчок! — сказал Марио и поднял Честера повыше, чтобы учитель музыки его хорошенько разглядел.

— Какая прелесть! — восхитился мистер Смидли. — Очаровательное существо!

— Хотите поддержать? — спросил Марио.

Мистер Смидли отпрянул.

— Нет-нет, не стоит, — сказал он. — Когда мне было восемь, меня ужалила пчела, и с тех пор я, честно говоря, побаиваюсь насекомых.

— Он вас не укусит, — пообещал Марио. Мальчик перевернул коробок, и Честер выпал прямо на ладонь мистера Сидли. Учитель музыки вздрогнул.

— Вчера вечером я слышал, как он сверчал, — похвастался Марио.

— А мне он посверчит, как ты думаешь? — спросил мистер Сидли.

— Посмотрим, — сказал Марио и посадил Честера на прилавок.

— Пожалуйста, посверчи, — попросил мальчик и, чтобы Честеру было понятней, сам издал звук, похожий на песенку сверчка. Вышло не слишком похоже, но Честер понял, что от него требовалось. Он занес одно крылышко над другим и издал журчащую трель.

Папа с мистером Сидли громко выразили свое одобрение.

— Чистейшее до третьей октавы, — заметил мистер Сидли. Он по-дирижерски поднял руку и стал медленно ее опускать, а Честер сверчал все ниже.

— Вы решили учить его музыке, мистер Сидли? — полюбопытствовал Марио.

— Да чему же мне его учить, — улыбнулся мистер Сидли. — Он уже выучился у самого великого учителя, Марио, — у самой природы. Природа подарила ему крылышки, которые трутся друг о друга, и инстинкт, который подсказывает ему, как издавать та-

кие чудесные звуки. Этот маленький черный Орфей гениален от природы. Мне нечему его учить.

— Мистер Смидли, а кто такой Орфей? — спросил Марио.

— Орфей был величайшим из когда-либо живших музыкантов, — ответил учитель музыки. — Он жил давным-давно и так чудесно играл на арфе, что послушать его останавливались не только люди, но и звери, и даже камни, деревья и водопады. Лев переставал преследовать оленя, реки останавливали свое течение, стихал ветер. Весь мир умолкал.

Марио не знал, что сказать. Ему понравилось, что все вокруг замолкало ради того, чтобы услышать музыку.

— Наверное, он зверски классно играл, — сказал наконец Марио.

Мистер Смидли улыбнулся.

— О да, — ответил он. — Возможно, однажды твой сверчок научится играть так же прекрасно. Я предвижу, что такого талантливого сверчка ждет великое будущее, Марио.

— Слышишь? — сказал папа Беллини. — Может быть, он даже прославится.

Марио все прекрасно слышал. Позже тем же летом ему еще предстояло вспомнить слова мистера Смидли. Однако в тот миг он уже думал о другом.

— Папа, можно я поеду в китайский квартал и раздобуду для сверчка домик? — спросил он.

— Домик? Какой еще домик? — спросил отец.

— Джимми Лебовски рассказывал, что китайцы очень любят сверчков и делают для них специальные клетки, — пояснил Марио.

— Сегодня воскресенье, — напомнил папа. — Все магазины закрыты.

— А вдруг не все, — ответил Марио. — Это же китайский квартал. Я хотя бы посмотрю, куда потом идти.

— Ладно, Марио, — начал папа Беллини, — но...

Но Марио уже не слышал никаких «но». Он сунул Честера в коробок, крикнул через плечо «До свиданья, мистер Смидли» и побежал к лестнице, которая вела на нижнюю платформу. Папа и мистер Смидли смотрели ему вслед. Потом папа — выражение лица у него было веселое и немного растерянное, — повернулся к учителю музыки, пожал плечами, и они вновь заговорили об опере.

ГЛАВА 6

Сай Фонг

До Нижнего Манхэттена Марио добрался по местной линии. Спичечный коробок мальчик держал на уровне груди, чтобы сверчок все было видно. Так Честер впервые получил возможность посмотреть, куда едет поезд в метро. В прошлый раз сверчок провел всю поездку под сэндвичами. А теперь он выглядывал из короба и вертел головой туда-сюда, разглядывая вагон. Честер был любопытен и за время своего пребывания в Нью-Йорке намеревался увидеть все, что только можно.

Сверчок как раз рассматривал пожилую даму в соломенной шляпке и гадал, настоящие ли на этой шляпке цветы, и если да, то какие они на вкус, когда поезд затормозил. Как и все, кто впервые едет в метро, Честер оказался непривычен к резким остановкам. Он вывалился из короба и упал на колени к Марио.

Мальчик снова убрал сверчка.

— Осторожней, — сказал он и положил на открытую часть коробка палец, оставив ровно столько места, сколько нужно было Честеру, чтобы высунуть голову.

На станции «Канал-стрит» Марио вышел из поезда. От китайского района его отделяла пара кварталов. Честер, разглядывая улицу, изо всех сил крутил головой, ведь он впервые видел Нью-Йорк днем. Здания в этой части города были значительно ниже, чем на Таймс-сквер, однако даже по сравнению с ними Честер чувствовал себя очень маленьким.

Папа оказался прав — магазины в китайском квартале были закрыты. Марио прошелся туда-обратно по узкой кривой улочке, переходя то на одну, то на другую ее сторону и заглядывая во все витрины. В одних лежали картонные коробочки, которые, если бросить их в стакан с водой, превращались в прекрасные бумажные цветы, в других покачивались стеклянные трубочки «музыки ветра», которые звенят, если повесить их на окно, где дует ветерок. Однако клеток для сверчков нигде видно не было.

В конце улочки обнаружился особенно старый магазин. Краска с его двери почти осыпалась, а витрины были завалены всевозможными безделушками, которые явно копились там годами. Вывеска над дверью гласила: «Сай Фонг — китайские товары», а ниже маленькими буквами было приписано: «а также ручная стирка». На ступенях сидел, скрестив ноги, старый китаец. На нем была шелковая куртка и рубаха

с вышитыми красной нитью драконами. Китаец курил длинную трубку из белой глины.

Марио остановился, разглядывая витрину. Китаец не повернул головы, однако краем глаза посмотрел на мальчика. Неспешно вытащив трубку изо рта, он выпустил облако дыма.

— Мистер Фонг — это вы? — спросил Марио.

Старик медленно поднял голову, словно она была на шарнире, и посмотрел на Марио.

— Я Сай Фонг, — ответил он. Голос у него был странный, но мелодичный, словно кто-то пощипывал струны скрипки. Сай Фонг приехал из Китая много лет назад и говорил не так, как все. Но Марио это очень понравилось. Когда люди чирикали каждый на свой лад, слушать это было почти так же приятно, как пение сверчков.

— Мне нужна клетка для сверчка. У вас есть? — спросил Марио.

Сай Фонг снова поднес трубку ко рту и выпустил несколько клубов дыма. Глаза его, и без того узкие, почти совсем закрылись.

— Ты иметь сверчок? — спросил он наконец так тихо, что Марио едва его расслышал.

— Да, — ответил Марио, — вот.

Мальчик открыл спичечный коробок. Честер и Сай Фонг посмотрели друг на друга.

— Очень хорошо! — сказал Сай Фонг, и тут в нем произошла невероятная перемена. Он вдруг преисполнился энергии и, казалось, готов был сплясать

джигу прямо на ступенях. — Ты иметь сверчок — очень хорошо!

Сай Фонг радостно рассмеялся.

— Заходить магазин, пожалуйста, — пригласил он, открыл дверь и вместе с Марио вошел внутрь.

Впервые в жизни Марио видел комнату, в которой было столько вещей. Это была лавочка китайских товаров. На всех полках и на всех стульях лежали вещи — от шелковых халатов до палочек для еды и тюков с выстиранным бельем. В воздухе витал легкий сладкий аромат благовоний. Сай Фонг сбросил на пол кипу китайских газет.

— Садиться, пожалуйста, — пригласил он, указывая Марио на освободившийся стул. — Я назад скоро.

С этими словами он открыл в задней части магазина дверь и исчез.

Марио сидел очень смирно. Он боялся, что стоит ему пошевелиться, и товары из Китая обрушатся на него подобно лавине. В стеклянном шкафчике прямо перед ним стояли в ряд резные статуэтки китайских богинь из слоновой кости. На губах у богинь играли загадочные улыбки — казалось, они знают что-то неведомое всем остальным. Богини смотрели прямо на Марио. Марио попытался ответить им твердым взглядом, но не выдержал, заморгал и отвел глаза.

Сай Фонг вернулся через несколько минут. С собой он нес клетку для сверчка, сделанную в форме пагоды. У пагоды было семь крыш, каждая следующая

чуть меньше предыдущей, а по центру последней, самой маленькой, торчал небольшой шпиль. Нижнюю часть клетки выкрасили в красный и зеленый цвета, но шпиль сиял золотом. С одной стороны у клетки имелась дверка с небольшим замочком. У Марио мурашки побежали по коже, так ему хотелось эту клетку. Но такая красивая клетка наверняка стоила очень дорого.

Сай Фонг поднял указательный палец правой руки и торжественно произнес:

— Это очень древняя клетка сверчка. Эта клетка жить сверчок императора всего Китая. Ты знаешь историю про первый сверчок?

— Нет, сэр, — ответил Марио.

— Очень хорошо, — произнес Сай Фонг. — Я рассказать.

Он опустил клетку на пол и вытащил из кармана глиняную трубку. Раскурив ее и дождавшись, когда из чашечки заструился дым, он начал свой рассказ, и каждое свое слово подкреплял взмахом трубки, словно бы выписывая в воздухе некие загадочные письмена.

— Давным-давно, самое начало времен сверчков не быть совсем. Жить один мудрый человек, который знает многое. Его имя быть Си Сюай, и он говорить только правду. Все секреты быть ему открыты. Он знает мысли зверей и людей, знает, что хотеть цветок и дерево, знает судьба солнца и звезд. Весь мир он читать как книга. И даже боги в небесном дворце любить Си Сюай, потому что он говорить правду.

К Си Сюай приходи люди разных земель узнать свою судьбу. Одному он говорить: «Ты очень хороший человек. Жить долго, как кедр на горном склоне». Другому говорить: «Ты плохой человек, скоро умереть. До свидания». Си Сюай говорить только правда, всем людям, всегда. Конечно, плохие люди обидеться, когда слышать его слова. Они думать: «Я плохой человек — теперь все знать, какой я плохой». Плохие люди собраться и решить убить Си Сюай. Си Сюай знать, что они хотеть его убить — он все знать, — но ему все равно. Мир жить в его сердце, как сладкий аромат в цветке лотоса. И Си Сюай ждать.

Но боги в небесном дворце собраться и решить, что Си Сюай не умирать. Он говорить только правду и быть дороже всех царей. Поэтому, когда злые люди занести меч над Си Сюай, добрые боги превратить его в сверчка. С тех пор человек, который говорить только правду и знать все на свете, поет песни, которые никто не понимать и все любить. А боги в небе его понимать и улыбаться. Они знать: сверчок петь красиво, говорить правду и знать все на свете.

Сай Фонг умолк и принялся попыхивать трубкой. Марио не смел пошевелиться и только смотрел на клетку для сверчка. Он думал об истории, которую только что услышал, и о том, как ему хочется купить эту клетку. Сверчок Честер сидел в коробке и прислушивался. История о Си Сюае его очень тронула. Конечно, он не знал, правда ли это, но все же почти

поверил услышанному, поскольку и сам всегда думал, что его песня — не просто приятные звуки, а нечто большее. Как всегда в тех случаях, когда он не знал, что делать, сверчок потер крылышком о крылышко. В магазине прозвучала короткая чистая трель.

Сай Ф он г поднял голову. Улыбка тронула уголки старческих губ.

— А, — прошептал он. — Сверчок понимать.

С этими словами старик выпустил еще несколько клубов дыма.

Марио хотелось узнать, сколько стоит клетка, но он стеснялся спрашивать.

— Твой сверчок такой замечательный, — произнес Сай Ф он г, — что я продавать клетку за пятнадцать центов.

Марио вздохнул с облегчением. Такой суммой он располагал. Он пошарил в кармане и извлек десять центов и еще пятицентовик — все, что осталось от двадцати пяти центов карманных денег, которые раз в неделю выдавали ему родители.

— Я беру клетку, мистер Ф он г, — сказал он и вручил Сай Ф он гу деньги.

— Я подарить подарок бесплатно, — сказал Сай Ф он г. Зайдя за прилавок, он извлек из выдвижного ящика крошечный колокольчик размером не больше пчелы. С помощью нитки он подвесил колокольчик внутри клетки. Марио посадил Честера в клетку. Сверчок подпрыгнул и ударил в колокольчик. Раздался тихий звон.

— Петь как самый маленький колокол в Серебряном храме в верховьях Янцзы, — сказал Сай Фонг.

Марио поблагодарил старика за колокольчик, за рассказ и за все остальное. Он уже хотел было выйти из магазина, когда Сай Фонг вдруг предложил:

— Хотеть китайское печенье с предсказанием?

— Да, наверное, — ответил Марио. — Я просто никогда его не пробовал.

Сай Фонг снял с полки банку, полную печений с предсказаниями — тонких вафелек, которые сложены так, чтобы внутри образовалась пустота. Марио откусил кусочек печенья и увидел внутри бумажку. Он развернул и прочел вслух: «Скоро ты повстречаешь на своем пути удачу. Будь к ней готов».

— Ха-хе! — рассмеялся Сай Фонг, и в двух этих словах звучала искренняя радость. — Очень хорошее предсказание. Теперь идти. Всегда быть готов к счастью. До свидания.

ГЛАВА 7

Клетка для сверчка

Тем же вечером, когда Беллини ушли домой, Честер рассказал Гарри и Ломтику о своей поездке в китайский квартал. Кот и мышонок сидели на прилавке рядом с клеткой, а Честер устроился внутри, под колокольчиком. Примерно раз в минуту Ломтик вскакивал и обходил пагоду. Он был потрясен ее великолепием.

— А в конце мистер Фонг дал Марио печенье с предсказанием, — рассказывал Честер.

— Я и сам ценитель китайской кухни, — признался Гарри. — Регулярно навещаю мусорные баки в китайском квартале.

Мышонок Ломтик ненадолго отвлекся от восторженного созерцания клетки сверчка и сказал:

— А я даже подумывал там поселиться. Но у китайцев такая странная еда! Суп они варят из птичьих гнезд, а акульки плавники тушат. Вдруг мыши идут у них на суфле? В общем, я решил держаться от них подальше.

В горле у Гарри низко заклокотало — кот смеялся.

— Вы только его послушайте, — сказал кот и хлопнул Ломтика лапой по спине, отчего мышонок покатился кубарем.

— Полегче, Гарри, полегче! — проворчал Ломтик, вставая. — Ты сам не понимаешь, какой ты сильный. — Мышонок поднялся на задние лапы и вновь устоялся на выкрашенные красным прутья клетки. — Вот это дворец! — пробормотал он. — Какой красивый! Ты себя там, наверное, королем чувствуешь!

— Да, — признался Честер, — но вообще-то мне не очень нравится сидеть в клетке. Я больше привык жить в пнях или в норках в земле. А когда меня запирают, мне становится как-то не по себе.

— Хочешь, открою? — предложил Гарри. Он выпустил из подушечки правой лапы коготь и приподнял крючок, удерживавший дверцу.

Честер толкнул дверцу, и та отворилась. Сверчок выскочил наружу.

— Как приятно освободиться! — сказал он и запрыгал по прилавку. — Что может быть лучше свободы!

— Послушай, Честер, — сказал Ломтик, — а нельзя ли мне залезть внутрь на минутку? Я никогда раньше не был в пагоде.

— Конечно, заходи! — сказал Честер.

Ломтик пролез в открытую дверцу и обежал клетку изнутри. Полежал на одном боку, на другом, перевернулся на спину.

— Вот бы мне еще шелковый халат! — сказал он, вновь поднимаясь на задние лапки, а передней опираясь о прутья. — Я себя чувствую прямо китайским императором. Как я выгляжу, Гарри?

— Как мышь в мышеловке, — ответил кот.

— Каждой бы мыши такую мышеловку, — заметил Ломтик.

— Если хочешь, можешь поспать в клетке, — предложил Честер.

— Правда, можно? — воскликнул мышонок. Ночь в такой клетке была верхом его представлений о роскоши.

— Конечно, — ответил Честер. — Мне больше нравится в спичечном коробке.

— Только, знаешь, — сказал Ломтик, потопав левой задней лапкой, — мне пол не нравится. Жесткий какой-то, спать неудобно.

— Давай я принесу тебе мятой бумаги из нашей трубы, — вызвался Гарри.

— Не надо, не хочу здесь мусорить, — сказал Ломтик. — Зачем Честеру лишние проблемы с родителями Марио? — Он поколебался. — М-м... может быть, здесь что-нибудь найдется?

— Хочешь бумажную салфетку? — предложил Честер. — Она хорошая, мягкая.

— Выкладывай, Ломтик, — сказал Гарри. — Я же вижу, ты что-то задумал. Расскажи.

— Понимаете, — начал Ломтик, — я подумал, ну, если бы в кассе были бумажные деньги...

Гарри рассмеялся.

— Ну конечно! — сказал он Честеру. — Кто еще, кроме этого мышонка, додумается спать на деньгах!

Честер вскочил на ящик кассы, который никогда не закрывался.

— Здесь есть бумажки, — крикнул он.

— На матрас хватит, — решил Ломтик. — Передай сюда, пожалуйста.

Первую зеленую бумажку Честер передал коту. Тот взял банкноту, поднес к клетке и просунул в дверцу. Ломтик схватил доллар и встряхнул как одеяло. Деньги были старые и мятые.

— Осторожней, не порви, — сказал Гарри.

— Не порву, — ответил Ломтик. — Уж я-то знаю, зачем нужны деньги!

Гарри передал ему следующую банкноту. Она была поновее и пожестче первой.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал Ломтик и поднял доллар за уголки. — Эту я положу вниз — будет чистенькая хрустящая простынка, — а старой укроюсь. Мне бы еще подушку. Посмотрите, пожалуйста, там, в кассе, что-нибудь еще осталось?

Гарри и Честер обыскали все отделения кассы, но нашли лишь несколько мелких монет. Больше в кассе ничего не было.

— Пятидесятицентовик тебя устроит? — спросил Гарри.

— Нет, он слишком плоский, — ответил Ломтик.

Ящик был выдвинут из кассы только наполовину. Честер залез в самую его глубину. Там было темно, и он почти ничего не видел. Он ударился обо что-то головой. Что бы это ни было, на ощупь предмет казался большим и круглым. Честер стал толкать, пихать, и в конце концов извлек свою находку и смог разглядеть ее в тусклом свете, который проникал в киоск. Это была сережка мамы Беллини, сделанная в форме ракушки и усыпанная крошечными блестящими камушками.

— Сережка подойдет? — крикнул он Ломтику.

— Ну, не знаю, — ответил Ломтик.

— Она словно бриллиантами усыпана, — заметил Гарри.

— Здорово! — воскликнул Ломтик. — Давай сюда!

Гарри поднял сережку и перенес ее в клетку. Ломтик осмотрел ее придирчиво, как ювелир.

— По-моему, это не настоящие бриллианты, — сказал наконец он.

— И что с того? Все равно красиво, — заметил Честер, спрыгнув на прилавок.

— Годится, — решил Ломтик и улегся на бок. Ложке ему служила долларовая банкнота, под голову он положил сережку, а укрылся другой банкнотой. Честер и Гарри слышали глубокий удовлетворенный вздох.

— Я сплю во дворце на деньгах, — сказал мышонok. — Сон наяву.

Гарри рассмеялся своим мурлыкающим смехом.

— Спокойной ночи, Честер, — сказал он. — Пойду-ка я в свою трубу — там хотя бы можно вытянуться.

С этими словами он спрыгнул на пол.

— Спокойной ночи, Гарри, — ответил Честер.

Тихо как тень Гарри скользнул в щель и юркнул в трубу. Честер прыгнул в свой коробок. Он уже привык спать на бумажных салфетках. Они походили на трухлявую древесину старого пня, где он жил, и так ему было куда уютнее, чем в клетке. Теперь у каждого из друзей имелось собственное место для сна.

— Спокойной ночи, Ломтик, — сказал Честер.

— Спокойной, Честер, — ответил Ломтик.

Честер зарылся в салфетку поглубже. Нью-Йорк начинал ему нравиться. И уже совсем засыпая, он услышал, как счастливо вздохнул в своей клетке мышонок Ломтик.

ГЛАВА 8

Сбережения мышонка Ломтика

Сверчку Честеру снился сон. Во сне Честер сидел у себя на пеньке, в Коннектикуте, и жевал лист ивы. Он откусывал кусочек, жевал и проглатывал, вот только вкус почему-то был необычный. Лист был суховат, отдавал бумагой и горчил. Но Честер жевал и жевал, надеясь, что в конце концов станет вкуснее.

В сон вторглась буря. Ветер нес над лугом клубы пыли. Пыль взвихрилась вокруг пня, попала Честеру в нос, и сверчок расчихался, однако по-прежнему крепко держал свой лист. А потом чихнул так сильно, что проснулся.

Честер огляделся и понял, что он ходил во сне. Теперь он сидел на краю кассового ящика. Роль песчаной бури сыграл порыв воздуха, проникший в киоск, когда на станцию въехал очередной поезд. Ветер под-

нял кучу пыли, и Честер едва не задохнулся. Потом он поглядел на свои передние лапки, почти ожидая увидеть в них лист ивы. Но это был никакой не лист. Это была двухдолларовая банкнота, и половина ее была отъедена.

Честер уронил банкноту и прыгнул к клетке, где мирно спал мышонок Ломтик. Сверчок бешено затряс серебряный колокольчик; тот зазвенел, словно призывая на пожар. Ломтик выскочил из-под доллара, служившего ему одеялом, и забегал по клетке, крича:

— На помощь! Пожар! Убийство! Полиция!

Тут он сообразил, где находится, и с размаху сел, тяжело дыша.

— Честер, ты что? — сказал он. — Я чуть не умер со страху.

— Я съел половину двухдолларовой бумажки, — сказал Честер.

Ломтик недоверчиво на него поглядел.

— Да ну? — переспросил он.

— Ага, — ответил Честер, — вот, смотри.

С этими словами он извлек из кассового ящика то, что осталось от банкноты.

— Мне приснилось, что это лист и что я его ем.

— Ой-ой-ой-ой! — простонал Ломтик. — Нет бы это был доллар... да хоть бы доллар и пятьдесят центов... нет, тебе непременно нужно было съесть два доллара! Да чьи деньги-то — родителей Марио, которые за два дня столько не зарабатывают!

— Что же мне делать? — спросил Честер.

— Пакуй чемоданы и езжай в Калифорнию, — ответил Ломтик.

Честер покачал головой.

— Не могу, — сказал он. — Они обо мне так заботились... Не могу я вот так убежать.

Мышонок пожал плечами.

— Тогда оставайся и расхлебывай то, что натворил, — сказал он, вылез из клетки и осмотрел остатки банкноты. — Смотри, половинка уцелела. Надо заклеить ее скотчем по краю — может, сойдет за однодолларовую бумажку.

— Ее никто не возьмет, — сказал Честер. Он сидел и печально глядел на деньги. — Ах боже мой... а ведь все шло так хорошо.

Мышонок Ломтик убрал свою постель обратно в кассу, подошел к Честеру и сел рядом.

— Не убивайся, — сказал он. — Может, мы что-нибудь придумаем.

С минуту они думали. Потом Ломтик захлопал в ладоши и запищал:

— Придумал! Съешь все до конца, и никто ничего не узнает!

— А вдруг хозяева станут обвинять в потере друг друга? — сказал Честер. — Я не хотел бы, чтобы из-за меня у них были нелады.

— Какой ты правильный! — сказал Ломтик. — Просто ужас.

— К тому же деньги невкусные, — добавил Честер.

— Тогда давай так. — У Ломтика уже появилась новая мысль. — Обвиним во всем человека, который делает уборку на станции. Я возьму нашу улику и подложу ему в раздевалку. На прошлой неделе он хлопнул меня шваброй. Пусть посидит в тюрьме денек-другой, я плакать не стану.

— Что ты! — возразил Честер. — Нельзя, чтобы из-за нас попал в беду кто-то другой!

— Тогда давай свалим все на неизвестного, — предложил Ломтик. — Опрокинем коробку с салфетками, разобьем стекло будильника, мелочь разбросаем по полу. Пусть все думают, что тут побывал вор. Можешь даже перевязать себе лапку и стать героем. Я бы на это посмотрел...

— Нет! — перебил Честер. — Если мы так поступим, ущерб будет еще больше двух долларов!

У Ломтика имелся еще один вариант: он готов был прошмыгнуть в киоск с едой и стащить там два доллара. Однако не успел он сказать это вслух, как край ставень внезапно сдвинулся. Друзья совсем позабыли о времени. Перед ними возвышалась грозная мама Беллини — сегодня была ее очередь торговать в киоске.

Ломтик в ужасе запищал и спрыгнул вниз.

— Лови мышь! — закричала мама. Она схватила «Форчун» — очень толстый, тяжелый журнал, — и швырнула вслед Ломтику. В тот самый миг, когда мышонок нырял в трубу, журнал ударил его по левой задней лапке.

Честер замер от ужаса. Его поймали с поличным. Он так и не успел выпустить из лап изжеванные два доллара. Кипя от возмущения, мама Беллини подняла его за усики, швырнула в клетку и защелкнула дверцу. Наведя порядок на прилавке, она достала вязанье и яростно защелкала спицами.

От злости она то и дело упускала петли, и от этого злилась еще больше.

Честер сжался в комочек в дальнем углу клетки. А ведь они с мамой Беллини только успели привыкнуть друг к другу — и вот все идет прахом. Он не удивился бы, если бы она схватила его вместе с клеткой и швырнула на пути.

В восемь тридцать приехали Марио с папой. Марио собирался съездить на Кони-Айленд поплавать, но не успел сказать даже «Доброе утро». Мама Беллини вытянула руку и яростно ткнула пальцем в сторону Честера. А сверчку деваться было некуда, и свидетельство преступления лежало рядом с ним.

Мама, папа и Марио заспорили между собой. Мама обозвала Честера пожирателем денег и добавила, что, по ее мнению, он зазывает по ночам в киоск мышей и прочих нежелательных гостей. Папа сказал, что вряд ли Честер съел два доллара нарочно, а что до мышей, то даже если одна-две сюда и забежали, какая разница? Мама сказала, что духу Честера здесь не будет. Папа сказал, что он может остаться, но должен будет все время сидеть в клетке. А Марио понимал, что подобно всем существам, привыкшим

к свободе, Честер скорее умрет, чем станет жить за решеткой.

В итоге было решено, что, раз сверчок принадлежит Марио, возместить съеденное должен будет сам мальчик. Когда деньги вернутся в кассу, Честеру снова позволят выходить на прогулку. До тех пор — только клетка.

В те дни, когда Марио не стоял за прилавком киоска, он подрабатывал, помогая бакалейщику разносить покупки, и потому решил, что выкупить Честера из заключения сумеет недели через две. Кони-Айленд, конечно, отменяется, и кино тоже, и вообще все, но сверчок важнее.

Мальчик покормил Честера завтраком — оставшиеся от ужина кончики спаржи и кусочек капустного листа. После всего случившегося у Честера практически не было аппетита. Когда сверчок доел, Марио сказал: «Пока», велел ему не переживать и отправился в бакалейную лавку узнать, не найдется ли для него работы.

Вечером того же дня, когда папа запер киоск, Честер сидел за позолоченной решеткой, чуть выставив голову наружу. Марио приходил покормить его ужином, но потом почти сразу ушел, чтобы поработать еще несколько часов. Большую часть дня Честер занимался тем, что изобретал новые игры с прыжками, чтобы не заскучать, но помогало это слабо. Он скучал, ему было очень одиноко. Вот смешно — днем

ему так хотелось спать, что он торопил ночь, а когда ночь пришла, уснуть не сумел.

Снизу послышалась тихая поступь мягких лап. Гарри вскочил на прилавок одним прыжком. Через секунду вслед за ним появился мышонок Ломтик, который взобрался по табуретке, постанывая от боли. Мышонок до сих пор прихрамывал на левую заднюю лапку, по которой ему угодило журналом.

— Сколько же тебе сидеть? — спросил Гарри.

— Пока Марио не выплатит два доллара, — вздохнул Честер.

— А под залог не выпустят? — деловито спросил Ломтик.

— Нет, — вздохнул Честер. — Да и откуда у меня залог? Это я еще легко отделался.

Кот положил передние лапы одна к другой и устроился на них головой.

— Позволь спросить без обиняков, — сказал он, — Марио наказан и обязательно должен зарабатывать деньги сам или он может просто достать их где-нибудь, не важно, где?

— Просто достать, — сказал Честер. — Его-то за что наказывать? Это же я съел деньги.

Гарри посмотрел на Ломтика долгим взглядом, словно чего-то ожидал от мышонка. Ломтик нервно заерзал.

— Слушай, Честер, а ты сбежать не хочешь? — спросил он. — Мы тебе откроем клетку. Вылезешь и будешь жить с нами в трубе.

— Нет, — покачал головой Честер. — Это нечестно по отношению к Марио. Придется отбыть весь срок до конца.

Гарри бросил на Ломтика еще один взгляд и начал постукивать лапой по полу.

— Ну? — спросил он наконец.

Ломтик застонал и потер пострадавшую лапку.

— Бедная моя нога! Умеет эта мама Беллини запустить журналом! Пощупай, какая шишка!

— Я уже щупал, — сказал Гарри. — И перестань увиливать. У тебя есть деньги.

— У Ломтика есть деньги? — удивился Честер.

Ломтик нервно поглядел на друзей.

— Это на старость, — жалостливым голосом сказал он.

— Ломтик — самый богатый мышонок в Нью-Йорке, — пояснил Гарри. — Известен как «Денежный мышок».

— Да будет тебе, Гарри, — возразил Ломтик. — У меня всего-то жалкая кучка монет, зачем сразу обзывать?

— Откуда у тебя деньги? — поинтересовался Честер.

Мышонок откашлялся и принялся потирать передние лапки. Когда он заговорил, голос его был сдавлен от чувств.

— Много лет назад, — начал он, — когда я был еще совсем маленьким, невинным, неопытным мышонок, я переехал на станцию «Таймс-сквер» с

Десятой авеню, где остались самые счастливые воспоминания моего детства. Здесь-то я и познал цену экономии — то есть сбережениям. Я не раз видел, как старые мыши ползут, никому не нужные, в могилу для бедных, потому что за всю свою жизнь ничего не накопили. И я решил, что для себя такой судьбы не допущу.

— Из чего следует, что в трубе у тебя хранится кругленькое состояние, — добавил Гарри.

— Если не возражаешь, я хотел бы закончить, — сказал Ломтик. — Я сам все расскажу. — Голос его вновь стал тонким и жалостливым. — И вот долгие годы моей юности я, вместо того чтоб резвиться (это значит — играть) с другими мышами, копил и экономил. Я экономил бумагу, экономил пищу, экономил одежду...

— Экономь нам время и переходи к главному, — попросил Гарри.

Ломтик кисло улыбнулся Гарри.

— И деньги тоже экономил, — сказал он. — Неудивительно, что, многие годы занимаясь снабжением, я нет-нет да и находил монетку-другую. Часто — о, как часто, друзья мои, — с этими словами Ломтик прижал передние лапки к сердцу, — сидел я в своей трубе, смотрел на людей и ждал. И всякий раз, когда пассажир ронял монетку — пусть даже самую маленькую! — а я особенно люблю одноцентовые монеты, — я тотчас выскакивал наружу и с огромной опасностью для жизни и здоровья уносил монету в

свой дом. Ах, этот топот тяжелых ботинок и стук сапог! Сколько раз они отдавливали мне пальцы, сколько раз обрывали усы, покуда я честно трудился, добывая монеты. Но дело того стоило! О да, друзья мои, стоило, поскольку теперь в трубе у меня хранятся два пятидесятицентовика, пять четвертаков, два десятицентовика, шесть пятицентовиков и восемнадцать монет по одному центу, составляющие все мое достояние!

— Итого два доллара девяносто три цента, — быстро подсчитал Гарри.

— И я горжусь этим! — сказал Ломтик.

— Но, если у тебя столько денег, почему тебе так хотелось поспать в постели из долларовых бумажек? — спросил Честер.

— У меня никогда еще не было бумажных денег, — пояснил Ломтик. — Это совершенно другое ощущение.

— Выходит, ты можешь выручить Честера, и у тебя останется еще девяносто три цента, — сказал Гарри.

— Но я буду разорен, — заныл Ломтик. — Останусь без гроша в кармане! Кто же позаботится обо мне в старости?

— Я позабочусь, — сказал Гарри. — А теперь хватит изображать из себя скрягу. Пойдем сходим за деньгами.

Чтобы привлечь внимание друзей, Честер позвонил в колокольчик.

— Ломтик совершенно не обязан отдавать свои сбережения на старость, — сказал он. — Это его деньги, и он может поступить с ними как пожелает.

Ломтик ткнул кота в бок:

— Нет, ты слышал? Он, значит, весь такой благородный, а я свинья распоследняя. Да отдам я деньги, о чем разговор! Что бы кто ни говорил о мышах, никто и никогда не назовет мышонка Ломтика жадinou, который думает лишь о земных благах. Кроме того, можно ведь сказать, что это плата за ночь в клетке.

Гарри подсчитал, что для того, чтобы оставить Ломтику по одной монетке каждой разновидности, они должны будут забрать один пятидесятицентовик, четыре четвертака, десятицентовую монету, пять пятицентовиков и пятнадцать монет по одному центу. Ломтику останется монета в пятьдесят центов, четвертак, десятицентовик, пятицентовик и один цент.

— Для начала неплохо, — сказал Ломтик. — Через годик наверстаю.

Кот и мышонok несколько раз сходили в трубу и обратно, причем возвращались из трубы с монетами во рту. Монеты они по одной передавали в клетку, где Честер складывал из них столбик, в самом низу которого лежали пятьдесят центов, а последней, на верхушке покоилась десятицентовая монета, самая маленькая из всех. Работа шла до самого утра. Троица едва успела перекусить половинкой хот-дога, как явилась мама Беллини, чтобы открыть киоск.

Марио пришел с мамой. Он собирался покормить Честера пораньше, а потом работать все утро, потому что после обеда была его очередь дежурить в киоске. Вдвоем с мамой они сняли ставень, и тут мама ахнула, едва не выпустив из рук свой край. Честер сидел на столбике монет и весело сверчал.

Первым делом мама заподозрила, что сверчок выбрался из клетки и стащил деньги из кассового ящика. Однако, заглянув в ящик, она увидела, что со вчерашнего дня в нем ничего не изменилось.

Марио подумал, что деньги оставил папа в качестве сюрприза. Мама покачала головой. Если бы у папы были свободные два доллара, она бы об этом знала.

Они спросили кондуктора Пола, не видел ли он у киоска посторонних людей. Пол сказал, что не видел. Вот разве что рыщущий иногда на станции крупный кот этой ночью все бегал туда-сюда. Впрочем, конечно же, решили мама с Марио, кот не имел никакого отношения к деньгам.

Так или иначе, мама Беллини сдержала слово. Честера выпустили из клетки и вопросов задавать больше не стали. Мама относилась к деньгам в точности так же, как мышонок Ломтик (хотя сама бы в этом никогда не призналась): есть деньги — и хорошо, а уж откуда они взялись, кому какое дело.

ГЛАВА 9

Китайская кухня

Раз Честер ест двухдолларовые банкноты, значит, у него в организме чего-то не хватает, решил Марио. До той поры мальчик кормил сверчка тем, что любил сам, но тут задумался: вдруг то, что полезно человеку, сверчку не годится? За советом Марио решил обратиться к специалисту.

В один из дней, ближе к вечеру, отстояв свое за прилавком, Марио вычистил клетку сверчка, протер самого Честера салфеткой и понес в китайский квартал к Сай Фонгу.

Когда они добрались, на часах было уже почти семь вечера, и магазин оказался закрыт. Но, заглянув в витрину, Марио заметил тонкую полоску света под дверью, ведущей в заднюю часть магазина. И услышал два негромких чирикающих голоса, которые говорили по-китайски.

Марио постучал по витрине. Голоса звучали как ни в чем не бывало. Марио постучал еще раз, по-

громче. Внутренняя дверь открылась и появился Сай Фонг. Он щурился, силясь разглядеть посетителя при тусклом свете. Узнав Марио, он очень удивился и сказал:

— А! Маленький мальчик со сверчком!

Китаец отпер дверь.

— Здравствуйте, мистер Фонг, — сказал Марио. — Я не хотел вас беспокоить, просто у меня со сверчком что-то не то.

— Входить, пожалуйста, — пригласил Сай Фонг и закрыл за ним дверь. — Здесь мой старый друг — он все знает о сверчках.

Китаец повел Марио в комнату в глубине магазина — там оказалась кухня. На черной железной плите пытели, исходя паром, с полдюжины горшочков. На столе стояли красиво расписанные фарфоровые тарелки. На тарелках китайцы и китайки, наряженные в разноцветные платья и халаты, переходили по маленьким мостикам спокойное голубое озеро. У каждой тарелки лежали две пары палочек для еды, каждая пара — в отдельной бумажной упаковке.

У окна сидел в кресле-качалке очень старый китаец. С подбородка у него свисала жидкая седая борода, но одет он был в длинный красный с золотом халат, очень похожий на наряды людей с тарелок.

Когда Марио вошел, китаец медленно встал, сложил руки и поклонился.

Мальчику никогда еще не кланялись старые китайцы, поэтому он не знал, что следует делать в та-

ком случае. Он решил, что надо поклониться в ответ. Китаец поклонился во второй раз. Марио — тоже.

Так бы они, наверное, и кланялись весь вечер, если бы не Сай Фонг, который что-то сказал своему другу по-китайски. Звучали его словам как «Че син и хси со ти эр тунг», а значило это «вот тот самый мальчик со сверчком».

Марио и Честер переглянулись украдкой, но китайского не знал ни тот ни другой.

Старик явно воодушевился. Он заглянул сквозь прутья в клетку и издал довольное восклицание. Выпрямившись во весь рост, он очень медленно и торжественно поклонился. Честер ответил поклоном и издал одну из самых вежливых своих трелей. Старик китаец был очень доволен. Они с Сай Фонгом рассмеялись и заговорили одновременно. Их речь звучала как веселое щелканье сотен палочек для еды.

Когда они рассказали друг другу, какой замечательный сверчок этот Честер, Сай Фонг обратился к Марио:

— Ты любить китайскую еду, пожалуйста?

— Да, — ответил Марио. — Наверное.

Он никогда не пробовал ничего китайского, если не считать рагу с грибами, но рагу ему ужасно понравилось.

— Подождать, пожалуйста, — сказал Сай Фонг. С этими словами он исчез в магазине, а через минуту вернулся с двумя новыми халатами.

— Это тебе, — сказал он, надевая на Марио один халат, цветов пурпура и лаванды, с вышитыми по нему солнцем, луной и звездами. — А это мне, — и Сай Фонг надел второй халат, голубой с зеленым, вышитый рыбами, тростником и водяными лилиями.

Старый китаец шепнул что-то Сай Фонгу, и Сай Фонг шепотом ответил ему по-китайски.

— Очень жаль, — сказал он, — нет маленького халата для сверчка.

— Ой, да ничего страшного, — сказал Марио.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Сай и поставил к столу еще один стул.

Марио сел. Старый китаец сел напротив него. Сай Фонг поставил клетку со сверчком посреди стола, а потом принялся снова к плите и обратно, выставляя перед гостями окутанные паром горшочки с китайскими блюдами. Честеру очень хотелось узнать, каковы они на вкус — он ведь даже рагу с грибами никогда не пробовал.

— Это чоу-юк — овощи по-китайский, — сказал Сай Фонг, ставя на стол первый горшочек. В чоу-юке плавала зеленая фасоль, стручки гороха и нарезанная кубиками курятина. Затем появился рис со свиной, поджаренный до восхитительного золотистого цвета так, что мясо отдавало орехами. За рисом последовал чоу-мейн с поджаренной лапшой и орешками кешью. Только это блюдо было совсем не водянистое и ничуть не походило на чоу-мейн, который Марио видел в автоматическом кафе. Одной жареной лапшой

можно было наесться досыта. Венчала трапезу утка с ананасами. Кусочки жареной утки плавали в сочном сладком соусе. И под конец Сай Фонг поставил на стол еще один большой горшок.

— Знать, что это? — спросил он и поднял крышку.

Марио заглянул внутрь.

— Чай, — сказал он.

— Ха-хе! — рассмеялся Сай Фонг. — Ты быть очень хороший китаец, — добавил он и широко улыбнулся мальчику.

Чтобы научиться обращаться с палочками, Марио пришлось изрядно попотеть. Они выскальзывали у него из пальцев, как заколдованные.

— Представить, что это два очень длинных пальца, — сказал Сай Фонг.

— Два длинных пальца, два длинных пальца, — повторял Марио. И палочки наконец стали ему послушны. Он буквально на ощупь чувствовал каждый кусочек, который палочки несли ему в рот.

Честеру тоже подали ужин. Сай Фонг извлек из кухонного шкафа крошечное блюдечко, положил на него по чуть-чуть от каждого блюда и поставил перед сверчком. Честер в жизни не ел ничего вкуснее! Он любил овощи, поэтому больше всего ему понравился чоу-юк. Ужиная, он то и дело вынужден был делать перерыв, чтобы посверчать от удовольствия. Старый китаец и Сай Фонг при этом всякий раз улыбались и что-то говорили друг другу по-китайски. Марио ужин тоже очень нравился, вот только сверчать маль-

чик не умел. У него был лишь один способ выразить свой восторг: всякий раз, когда Сай Фонг спрашивал, не хочет ли Марио добавки, тот отвечал:

— Спасибо, с удовольствием.

Когда же они наконец угостились на славу, съев и чоу-юк, и чоу-мейн, и жареный рис со свиной, и утку с ананасами, Сай-Фонг извлек откуда-то засахаренные кумкваты на десерт. Марио съел два кумквата и выпил еще несколько чашек чаю. Честер наелся так, что только надкусил кумкват.

— Ну, — сказал Сай Фонг, когда они поели, — что случаться с твоим сверчком?

Он раскурил белую глиняную трубку. Старый китаец последовал его примеру. Они сидели и курили, у лиц их завивались струйки дыма, и Марио подумалось, что старые китайцы похожи на настоящих мудрецов.

— Понимаете, — начал Марио, — мой сверчок ест деньги.

Он рассказал про двухдолларовую купюру. Сай Фонг переводил его слова на китайский, чтобы старый китаец тоже все понял. После каждой фразы старик кивал и говорил «ага», или «ого», или «mmm», и все — очень серьезным тоном.

— И я подумал, что, наверное, его надо кормить как-то иначе, — закончил Марио.

— Очень замечательный вывод, — сказал Сай Фонг и быстро заговорил по-китайски. Потом он встал и сказал: — Подождать, пожалуйста.

Сай Фонг ушел в магазин и через минуту вернулся с огромной книгой под мышкой. Китайцы раскрыли книгу и принялись читать, то и дело останавливаясь и переговариваясь вполголоса.

Марио встал у них за спиной. Читать китайские значки он, конечно, не умел, но в книжке были картинки.

На одной картинке была изображена принцесса на троне слоновой кости. На специальной подставке рядом с нею стояла клетка для сверчка, точь-в-точь такая же, как у Честера.

Тут вдруг старый китаец издал высокий восторженный крик.

— Ю ле! Ю ле! — произнес он и постучал по странице мундштуком трубки.

— Вот! Вот! — воскликнул Сай Фонг, обернувшись к Марио. — Это история о принцессе из Древнего Китая. У нее быть ручной сверчок, она кормить его листьями шелковицы. Тут написать: «Как шелковичный червь, который кушать листья шелковицы, прясть прекрасный шелк, так сверчок, которые кушать листья, прясть прекрасную песню».

— Значит, надо найти шелковицу? — сказал Марио. Он знал только одну шелковицу — ту, что росла в Бруклинском ботаническом саду за специальным заборчиком.

— У меня есть! — сказал Сай Фонг и расплылся в улыбке, широкой, как у тыквы на Хеллоуин. — За окном.

Он подошел к окну и поднял занавеску. Снаружи в маленьком дворике росла шелковица. Одна из ее ветвей почти упиралась в окно кухни. Сай сорвал дюжину листьев и сунул один сверчку в клетку. Но Честер к нему не притронулся.

— Ему не нравится, — разочарованно сказал Марио.

— Нравится! — ответил Сай Фонг. — Просто сейчас он набить живот китайским ужином!

Именно так оно и было. В любое другое время Честер тотчас принялся бы грызть лист. Но сейчас он не мог проглотить ни кусочка. Он через силу надкусил краешек, просто чтобы показать, что именно такие листья он любит.

— Видеть? — сказал Сай Фонг. — Когда он быть голодный, кушать этот лист.

Честеру стало так хорошо, что он не смог удержаться и запел. Все умолкли и стали слушать. Только поскрипывало кресло-качалка, но издаваемые им звуки чудесным образом сочетались с песенкой сверчка. Сай Фонг и его друг были очень тронуты концертом. Они сидели, закрыв глаза, с абсолютно умиротворенным видом. Когда песня закончилась, старик китаец извлек из рукава шелковый платок и высморкался. Глаза его были влажны. Он промокнул их платком и что-то шепнул Сай Фонгу.

— Он говорит: это все равно что сидеть в дворцовом саду и слышать, как петь сверчок, — перевел Сай Фонг, обращаясь к Марио.

Мальчик поблагодарил Сай Фонга за вкусный ужин, но сказал, что ему надо идти, поскольку уже поздно.

— Приходить, когда захочешь, — сказал Сай Фонг, сложил одиннадцать листьев шелковицы в коробочку и вручил ее Марио. — На дереве много листьев. Я их беречь для сверчка.

Марио еще раз поблагодарил. Старик-китаец встал и поклонился. Марио поклонился в ответ. Сай Фонг поклонился, Марио и ему ответил поклоном. Честер в клетке тоже кланялся всем и каждому. Все еще кланясь, Марио попятился, нащупал дверь и вышел. Вечер получился замечательный. Ото всех этих поклонов он чувствовал себя взрослым и вежливым, и рад был, что его сверчок доставил столько радости китайским старикам.

ГЛАВА 10

Званный ужин

Однажды поздно вечером Честер развернул в киоске бурную деятельность. Как только Беллини ушли домой, он выскочил из спичечного коробка и принялся за уборку. Первым делом он принялся толкать коробок до тех пор, пока он не встал ровно, а потом задвинул его за будильник. Затем вытащил салфетку и стал возить ею туда-сюда по полке. Когда пыли на полке не осталось, сверчок взял салфетку передними лапками и начистил клетку так, что ее прутья засияли. Стекло будильника и стеклышко на шкале радио он протер так тщательно, что в них стало можно смотреться как в зеркало. Циферблат часов был покрыт специальным составом и светился темноте бледно-зеленым светом. Честер хотел, чтобы в этот вечер все было идеально. Потому что сегодня у них был праздник.

Со дня прибытия Честера в Нью-Йорк прошло ровно два месяца, и трое друзей решили отпраздновать круглую дату. Нет-нет, ничего особенного, просто небольшой званый ужин в узком кругу. Ломтик

предложил было праздновать в водосточной трубе, но Честеру не хотелось есть среди бумажек и прочего хлама, который мышонок туда натащил. Поэтому после долгого совещания решено было устроить ужин в киоске. Видеть друзей там никто не мог, места было много, а если включить потихоньку радио, то и музыка будет.

Мышонок Ломтик забрался на полку рядом с Честером.

— Что у нас с едой, Ломтик? — спросил сверчок. (Ломтик взял на себя добычу закусок.)

— Хи-хи-хи, — засмеялся Ломтик, потирая передние лапки, — вот ты удивишься! — Он поднял заднюю лапку. — Значит, так: два ломтика ливерной колбасы, ломтик ветчины, три ломтика бекона — это из сэндвича с беконом, салатом и помидорами, — немного салата и помидоров — из означенного сэндвича, — цельнозерновые, ржанные и белые крошки, изрядная горка капустного салата, два квадратика шоколадки «Херши», огрызок шоколадного батончика — с орехами! — и, наконец, самое главное... — Ломтик выдержал паузу, — газированные напитки со льдом!

— Где же ты взял лед? — спросил Честер.

— О, это была такая история! — ответил Ломтик. — Я весь день прятался под прилавком бистро. Когда продавцы наливали газировку, они роняли кубики льда, я их хватал и тащил в трубу. А там, — тут его голос исполнился особой гордости, — там у меня на-

шелся термоизолирующий мешок, я его храню так, на всякий случай. Кладешь в него лед, закрываешь — и вуаля! Ловко, правда?

Ломтик сел на задние лапки и широко улыбнулся Честеру.

— Очень ловко, — сказал Честер. — А напитки ты где взял?

— В бумажных стаканчиках, — сказал Ломтик. — Между прочим, ничего не мешал. В каждом стаканчике свой напиток.

— Вот это да, — с уважением сказал сверчок.

— Подумаешь, пустяки, — махнул лапкой Ломтик. — В смысле — не то чтобы пустяки, но ничего особенного.

Он оглядел полку, часы, все вокруг.

— А ты тут неплохо прибрался. Конечно, убирать не так важно, как добывать еду, но все равно здорово, когда чисто.

Пока они так разговаривали, в киоск через щель влез кот Гарри. Честер, как добрый хозяин, спрыгнул вниз, чтобы поприветствовать гостя.

— Как прошел концерт? — спросил он. Дело в том, что Гарри ходил в Вашингтон-сквер, где давали концерт камерной музыки на открытом воздухе. Честер не совсем понимал, как можно играть на открытом воздухе камерную музыку, но уже знал, что в Нью-Йорке может быть все, что угодно.

— Великолепно, — ответил Гарри. — Правда, на мой взгляд, скрипач играл значительно слабее, чем ты.

Честеру было очень приятно это слышать, однако пришлось отвернуться, чтобы Гарри не увидел, как он покраснел.

— Помоги мне принести угощение, Гарри, — попросил Ломтик. Он спрыгнул на пол и побежал к трубе.

Кот с мышонком перенесли угощения и напитки к киоску и выстроили в ряд, чтобы каждый сам брал, что ему нравится. Это называлось «шведский стол». Ломтик с Честером устроились на полке, а Гарри — он был выше ростом — на табуретке. Глаза кота приходились как раз вровень с их головами.

Мышонок Ломтик очень гордился тем, что сумел раздобыть лед для напитков. Всего у них было четыре стаканчика: один с кока-колой, один с пепси, один с рутбиром и один — с апельсиновой газировкой. В каждый стаканчик Ломтик положил по большому куску льда и стал картинно мешать их соломинкой, которую тоже подобрал днем.

— Ах, — вздохнул он, — ну разве где-то еще, кроме Нью-Йорка, может простая мышь попробовать кока-колу со льдом?

— Давайте включим музыку, — предложил Гарри. Он вытянул лапу и включил радио.

Сначала им попалась новостная передача. Для праздничного ужина она не годилась. Гарри покрутил настройку, включив поочередно викторину, любительское шоу и радиопостановку из жизни южных штатов, и наконец нашел то, что искал. Музыка на

празднике всегда кстати, ведь она дает возможность спокойно съесть свою порцию, не отвлекаясь на разговоры.

Гарри доедал уже второй кусочек шоколадного батончика, но вдруг перестал жевать и прислушался к мелодии, которая лилась из динамика. Потом кот начал покачивать головой туда-сюда.

— Это моя любимая песня, — сказал он и принялся тихонько подпевать.

— Спой нам, Гарри, — попросил Честер.

— Осторожней, ты не знаешь, на что напрашиваешься, — невнятно предупредил Ломтик, рот которого был набит беконом, латуком и помидорами.

Но у Гарри было хорошее настроение. Он прочистил горло и запел:

Когда я зову тебя-я-я-я-я,

О-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о,

О-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о...

Завывать Гарри умел замечательно, тем более что вой прекрасно подходил к протяжной романтической песне.

— Понял теперь?— простонал Ломтик.

А Гарри пел как ни в чем не бывало:

Ах, ответь же мне-е-е-е-е-е,

О-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о,

О-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о...

— Давайте лучше переключимся на любительское шоу, — предложил Ломтик и взял себе кусочек шоколада.

— А по-моему, Гарри замечательно поет, — сказал Честер.

— Спой теперь ты, Честер, — предложил Гарри.

Честно говоря, сверчку и самому втайне хотелось выступить перед друзьями, однако он робел и нуждался в поддержке. Он пошевелил крылышками и сказал:

— Ну, это не совсем песня, вы же знаете...

— Песня, музыка — какая разница, лишь бы Гарри опять не запел, — сказал Ломтик. Он с хлопаньем допил остаток апельсиновой газировки, и воцарилась тишина.

Август давно наступил, и на дворе стояло то самое время года, которое сверчки всего мира любят больше всего. Этим летом Честер сверчал гораздо меньше обычного — он ведь жил в Нью-Йорке, — но тут принялся играть и играл, сколько душа пожелает. Он вспоминал свой луг, пень, ручей, старую иву. Крылышки его рождали музыку, и музыка эта наполняла киоск.

Когда он доиграл, Ломтик и Гарри стали аплодировать и поздравлять Честера.

— А теперь сыграй что-нибудь такое, что мы тоже знаем, — попросил Гарри.

— Я, наверное, не умею, — сказал Честер. — Понимаешь, я играю то, что сочиняю сам.

— А ты послушай радио и сыграй то же самое, — предложил Гарри и включил музыку.

Честер наклонил голову набок. Радио играло вальс «Голубой Дунай». Послушав и хорошенько запомнив мелодию, Честер заиграл в унисон. Мелодия звучала безупречно! Сверчок оказался прирожденным музыкантом, поэтому уже через минуту он не просто повторял услышанное, а расцвечивал его вариациями и замысловатыми мелодиями, ни разу не сбившись при этом с ритма. Заодно он обнаружил, что в зависимости от наклона крылышек можно делать звук выше или ниже — это ему и было надо.

Друзья снова заплодировали. Кот, бывавший несколько раз в Метрополитен-опере и знавший тамошние порядки, закричал:

— Браво, Честер! Браво!

Разумеется, увидев, как талантливо Честер может сыграть любую мелодию, друзья потребовали продолжения. И Честер с радостью заиграл снова. Благодарная аудитория — что может быть желаннее для исполнителя?

На сей раз их выбор пал на итальянские народные песни, которые передавала другая радиостанция. Честер сразу же подхватывал любую мелодию и сверчал ее вместе с оркестром. На смену фольклорным песням пришли оперные арии. Оказалось, что играть арии для теноров Честеру проще, чем арии для сопрано, контральто и басов, но в любом случае получилось у него красиво.

Стоило ему доиграть мелодию и остановиться, как друзья тотчас начинали кричать: «Еще! Еще! Еще!» И Честер играл еще. По радио передавали латиноамериканскую румбу. Ритм у нее оказался очень простой, и сверчок несколько минут не мог его поймать, зато когда наконец уловил, не потерял ни единой ноты и сверчал, словно пара живых кастаньет.

— Подумать только! — воскликнул мышонок Ломтик. — Он и классику может, и поп-музыку!

Ломтику и самому не сиделось на месте — он выпил слишком много сладкой газировки. Ритм латиноамериканской музыки его заворожил. Мышонок вскочил и закружился по полке в танце.

Кот расхохотался, но Ломтика это не смутило. Он был весьма раскрепощенной мышью.

— Честер будет играть, я — танцевать, — выдохнул он. — Нам бы в водевилях выступать!

— Ну, для этого тебе надо бы танцевать так же хорошо, как он играет, — заметил Гарри.

— А я еще только учусь, — заявил Ломтик и заложил бешеный пируэт, который унес его туда, где лежала трубка папы Беллини.

Мышонок не видел, куда ступает, и потому споткнулся о спичечный коробок. Коробок отлетел в сторону. Ливень из спичек обрушился на полку и на бетонный пол. Раздался треск, несколько спичек вспыхнули желтым пламенем. Упали они по большей части не возле деревянных стен, и киоску ничего не угрожало — догорят и потухнут. Увы, одна спичка

по несчастной случайности упала рядом со стопкой утренних газет. Вспыхнувший огонек лизнул торчащие края, и почти тотчас же пачку охватило пламя.

— Берегись! — закричал Честер.

Гарри вскочил на полку — еще немного, и он обжег бы хвост. Сверчок первым понял, что случилось — и что случится, если не потушить огонь.

— Хватайте стакан с кока-колой! — скомандовал он. — Заливайте пламя!

— Я все выпил! — закричал Ломтик.

— Точно! — сказал Честер. — А лед остался?

Гарри и Ломтик вытряхнули в огонь содержимое термоизолирующего мешка. Этого оказалось недостаточно. Огонь зашипел, языки его опали, но тут же вспыхнули снова, еще ярче прежнего.

— Может, надо его накрыть? — предложил Гарри.

На краю полки, как раз над огнем, нашлась стопка журналов. Гарри уперся в нее лапами, напрягся и сбросил журналы прямо на огонь. Друзья выглянули за край полки, чтобы посмотреть, что из этого получилось.

— Прекрасно! — сказал Ломтик. — Как горело, так и горит, а ты нам еще и выход перекрыл!

Друзья оказались в ловушке. Гарри и Ломтик прыгнули на пол и принялись оттаскивать журналы. Но пламя подбиралось все ближе, вынуждая их отступить.

— Ах ты, боже мой, — причитал Ломтик, — и почему я не остался на Десятой авеню!

На мгновение Честером овладела паника. Однако он усилием воли взял себя в руки и постарался оценить ситуацию. Тут ему в голову пришла идея. Одним прыжком он вскочил на часы, прямо на кнопку, которая включала будильник. Старый будильник дико зазвенел и заскакал по полке в безумном танце. Честер бросился обратно к друзьям.

— Хоть какой-то сигнал тревоги, — объяснил он.

Они прижались к стене и ждали. Противоположный край полки уже лизали языки пламени. Краска пошла пузырями.

Честер услышал за стеной голоса. Даже в этот час на станции всегда есть пара человек. Кто-то спросил:

— Что там случилось?

— Дымом пахнет, — сказал другой.

Честер узнал голос. Это был Пол, кондуктор «челнока». Послышались быстрые удаляющиеся шаги, затем — приближающиеся, застучал молоток. Киоск затрясся.

— Придержите с другой стороны, — велел Пол.

Ставень сбросили с киоска. К потолку поднялись клубы дыма. Люди, стоящие вокруг, смотрели только на огонь и дым, и потому никто не заметил кота, мышь и сверчка, которые бросились прочь, в укрытие.

ГЛАВА 11

Жук-поджигатель

Спрятавшись в водосточной трубе, друзья смотрели, как Пол тушит пожар. Пол вытащил из киоска все газеты и журналы, какие только смог, раздобыл ведро воды и залил то, что осталось.

Когда опасность миновала, он позвонил папе Беллини.

— Какой кошмар, — сказал мышонок Ломтик, поглядев на груды обугленных и раскисших от воды журналов и газет.

Никто не знал, что сказать.

— Что ты теперь будешь делать, Честер? — спросил наконец Гарри.

— Вернусь к ним, — сказал Честер. — Если Беллини меня не найдут, то решат, что я устроил пожар и сбежал.

— А ты не думаешь, что они решат, будто ты устроил пожар и остался? — усомнился Ломтик.

— Придется рискнуть, — вздохнул Честер. И не успели кот и мышонок ничего сказать, чтобы его остановить, как он вновь запрыгнул на прилавок.

Пол сказал машинисту, что пропустит пару рейсов «челнока», и остался дожидаться Беллини. Киоск стоит нараспашку, вдруг кто-нибудь влезет в кассу? Увидев стаканчики и пакеты — остатки пиршества троих друзей, — Пол решил, что мусор оставили Марио или папа.

Пока кондуктор уносил все в урну, Честер вспрыгнул на полку. Там ничего не сгорело, однако повсюду пахло дымом. Сверчок с тяжелым сердцем забрался в клетку и приготовился встретить все, что уготовила ему судьба.

Беллини приехали быстро. Они взяли такси. А уж если Беллини потратились на такси, можете быть уверены: сподвигли их на это действительно из ряда вон выходящие обстоятельства. Честер слышал, как они бежали вниз по лестнице на станцию. Папа пытался успокоить маму, которая едва переводила дух из-за астмы и волнения. Увидев промокшие груды журналов и газет, она застонала и затрясла головой. Папа усадил ее на табуретку, однако там оказалась вода, и мама встала, а на юбке осталось мокрое пятно.

— Все пропало, все пропало! — всхлипывала она. — Все сгорело.

Папа изо всех сил старался ее утешить, говоря, что их потери составили всего-то пару пачек «Дамского домашнего журнала». Но мама была твердо уверена, что они потеряли абсолютно все.

Замыкавший печальную процессию Марио в первую очередь подумал о том, не пострадал ли сверчок.

Однако увидев, что Честер сидит в клетке, мальчик решил, что лучше держаться в сторонке до тех пор, пока не утихнет мамино горе.

Пол рассказал им, что произошло: как он учуял дым и услышал звон будильника. В конце он упомянул и о животных, которые выскочили из горящего киоска.

— Ах, вот как! — сказала мама Беллини, и отчаяние в ее голосе мгновенно уступило место ярости. — В киоске опять были животные! Я же тебе говорила! — Она погрозила пальцем сыну. — Я говорила, что этот сверчок притащит приятелей! Должно быть, это он устроил пожар. Он не сверчок, он жук-поджигатель!

Марио не мог вставить ни слова. Он открыл было рот, чтобы выступить в защиту Честера, однако несказанные еще слова потонули в потоке упреков, которые обрушила на него мама. Наконец-то она нашла виновного во всех ее несчастьях. Остановить ее было невозможно.

Улучив момент, Марио робко сказал:

— Мой сверчок ни за что не стал бы поджигать киоск.

— Однако пожар-то был! — сказала мама.

— Но сверчки приносят удачу... — начал Марио.

— Удачу! — презрительно сказала мама. — Этот сверчок ест деньги! Поджигает киоски! Он приносит одни несчастья. Удачу наоборот. Ноги его здесь больше не будет!

С этими словами она сложила руки на груди. Марио знал, что это значит: разговор окончен, и точка.

— Тогда я буду держать его где-нибудь в другом месте, — предложил мальчик.

— Нет, — сказала мама и непреклонно помотала головой, словно дверь закрылась. — Он приносит несчастья. Ноги его здесь не будет.

Папа прижал палец к губам — Марио знал, что этот сигнал означает «молчи». Вместе они принялись расчищать киоск. Они унесли безнадежно обуглившиеся журналы и постарались спасти те, что только слегка обгорели. Марио вымыл пол киоска, а мама разложила газеты на просушку. Закончили они к тому часу, когда вот-вот должен был начаться первый наплыв пассажиров.

Честер лежал в своей клетке на полу. Он чувствовал себя во всем виноватым. Сверчок не ронял спички, но, если бы не он, пожара бы не случилось. Это ведь Честер пригласил друзей на вечеринку в киоск. Это он сыграл румбу, под которую Ломтик начал танцевать и столкнул спички. Это он, Честер, съел двухдолларовую банкноту. Должно быть, мама Беллини права — он действительно жук-поджигатель.

Тем утром в час пик Марио особенно бодро кричал: «Купите газету, мистер!» и «Покупайте «Тайм»! Покупайте «Лайф»!». Папа тоже суетился больше обычного. А вот мама была мрачна и сидела с видом угрюмым и решительным. Газеты и журналы шли на расхват, но мама не намерена была менять свое ре-

шение. Когда час пик прошел, папа отправился покупать новый замок.

Из-за коробки с салфетками раздалось чуть слышное поскребывание. Показалась знакомая мордочка.

— Ну как вы тут? — шепотом спросил мышонок Ломтик.

— Ты с ума сошел? — возмутился Честер почти беззвучно. — Тебя же могут поймать!

— Я хотел узнать, как у тебя дела, — сказал Ломтик.

— Меня хотят выбросить, — вздохнул Честер.

— Ой-ой-ой! — застонал Ломтик. — А ведь это я во всем виноват. Слушай, а давай я принесу все, что у меня осталось от моих сбережений на черный день. Может, хватит, чтобы подкупить твоих хозяев.

Честер уперся маленькой черной головкой в прутья клетки.

— Не выйдет, — вздохнул он. — Мама уже все решила. Да я ее и не виню. Лучше бы я вовсе не приезжал в Нью-Йорк.

— Ну Честер, — заныл Ломтик, — не говори так! Я себя чувствую распоследней крысой. А я ведь всего лишь мышонок.

— Ломтик, ты ни в чем не виноват, — сказал Честер. — А я только и делаю, что приношу им беды с тех самых пор, как появился здесь.

Ни о чем не думая, сверчок издал небольшую трель, в которой хотел излить свою печаль. Оказалось, что, когда изливаешь печаль, на душе становится

ся легче. И Честер безо всякой задней мысли, чисто случайно просверчал первые ноты итальянской народной песни, которую слышал накануне. Мелодичная и красивая, эта песня лучше всего могла выразить его чувства.

Мама Беллини распечатывала пачку газет «Геральд трибюн», как вдруг до ее слуха донеслось мелодичное журчание. Поначалу она не поняла, что это.

— Che cos' a questa? — спросила она по-итальянски. Это означало: «Что это?»

Честер умолк.

— Chi cantava? — спросила мама. — Кто это пел?

Марио посмотрел на маму. Если она переходила на итальянский, обычно это означало, что у нее хорошее настроение. Но сегодня?!

Зато мышонок Ломтик прекрасно разбирался в людях (и в животных). Почувяв, что мамин голос словно бы немного смягчился, он шепнул Честеру:

— Играй дальше!

— Она меня терпеть не может, — возразил Честер. — Я ее только разозлю.

— Делай, что я тебе говорю! — торопливо велел мышонок.

И Честер засверчал снова. Он и без того в немилости, так что ему терять? Песня, которую он играл, называлась «Вернись в Сорренто», и так уж получилось, благодаря какому-то невероятному везению, что эту песню мама Беллини любила больше всех дру-

гих. Дома, в Неаполе — это в Италии, — когда папа еще только ухаживал за нею, он частенько приходил к ней лунной ночью под окно и пел эту длинную красивую песню под аккомпанемент старой гитары.

Сверчок пел, и картина вновь оживала перед маминым внутренним взором: тихая теплая ночь, лунные блики на бархатистой поверхности Неаполитанского залива, и папа поет под окном. От воспоминаний о давно минувших днях по щекам у нее потекли слезы, и мама очень тихо, почти про себя запела «Вернись в Сорренто».

Никогда еще Честер не играл так хорошо. Услышав, что мама подхватила песню, он снизил темп, чтобы она без труда попевала за мелодией. Когда она пела громче, он тоже сверчал громче, а когда от воспоминаний у нее перехватывало горло и голос начинал дрожать, песня сверчка тоже становилась тише. Но он вел мелодию, и мама ни разу не сбилась с темпа и не взяла неправильной ноты. Сверчок оказался великолепным аккомпаниатором.

Марио был потрясен до глубины души. Он недоверчиво уставился сначала на клетку со сверчком, потом на маму. Он не знал, что удивительнее — что мама вдруг запела или что сверчок сверчит знакомую мелодию. Иногда, если мама была в очень хорошем настроении, она, бывало, насвистывала, а один или два раза Марио слышал, как она напевала себе под нос. Но теперь она плакала и пела по-настоящему, и голос ее был похож на щебетание итальянского соловья.

Честер допел «Вернись в Сорренто».

— Не останавливайся! Не останавливайся! — записал Ломтик. — Ей нравятся печальные песни!

Не давая маме времени очнуться от воспоминаний, Честер засверчал мелодии из оперы, которую слышал прошлым вечером по радио. Слов этих песен мама не знала, поэтому просто стала напевать мелодию вместе со сверчком. Марио застыл, не в силах пошевелиться.

Вернулся папа Беллини, который ходил в скобяную лавку. Еще на лестнице, ведущей на станцию, он удивился, не услышав привычных криков «Купите газету!». Но еще больше был он поражен, когда, подойдя к киоску, услышал мелодию «Триумфального марша» из «Аиды» и понял, что льется она из клетки со сверчком.

— Он поет оперу?! — воскликнул папа. Глаза у него стали большие и выпученные, словно два вареных яйца.

— Ш-ш-ш, — оборвала его мама взмахом руки.

У Честера была замечательная музыкальная память. Раз услышав мелодию, он запоминал ее на всю жизнь. Сыграв все, что он помнил из оперы, он остановился.

— Популярные песенки тоже играть? — шепотом спросил он у Ломтика, который по-прежнему прятался за коробкой с салфетками.

— погоди, — велел Ломтик. — Давай посмотрим, что будет дальше.

Взгляд мамы Беллини был подернут поволокой. Она обняла сына за плечи и сказала:

— Знаешь, Марио, сверчок, который так красиво поет «Torna a Surrento», ни за что не устроит пожар. Пусть уж остается.

Марио бросился обнимать маму.

— Слышал? Слышал? — запищал Ломтик. — Тебя не выгонят! Ура-ура-ура-ура! А уж дальше-то что начнется... Чур, я буду твой менеджер — идет?

— Идет, — ответил Честер.

Так началась самая поразительная неделя, какая только могла случиться в жизни сверчка Честера — да и вообще любого сверчка.

ГЛАВА 12

Мистер Смидли

Было два часа ночи. Мышонок Ломтик, новый менеджер сверчка Честера, расхаживал туда-обратно перед клеткой. Кот Гарри лежал на полке, свесив хвост вниз, а сам Честер отдыхал в спичечном коробке.

— Я всесторонне обдумал сложившееся положение дел, — официальным голосом говорил Ломтик. — Собственно говоря, ни о чем другом я просто не мог думать. Первым делом мы должны осознать тот факт, что сверчок Честер невероятно талантлив.

— Слушайте! Слушайте! — поддержал его Гарри. Честер улыбнулся коту. Все-таки Гарри был очень славный малый.

— Пункт второй: талант — вещь редкая, прекрасная и драгоценная. Нельзя допустить, чтобы он был растрачен впустую. — Ломтик откашлялся. — И наконец, третье: возможно — возможно! — этот талант может принести нам всем немного денег.

— Так я и знал, что ты к этому клонишь, — заметил Гарри.

— Нет, Гарри, подожди, послушай еще минутку, а потом уже можешь обзывать меня жадным грызуном, — возразил Ломтик и сел между Честером и Гарри. — Киоск денег почти не приносит — верно? Верно! Если бы Беллини были счастливы, мама Беллини не твердила бы все время, что сверчка надо прогнать, — верно? Верно! Сегодня она смягчилась, потому что Честер сыграл ее любимую песню, но кто может знать, что она заявит завтра?

— А еще я хотел бы им помочь, ведь они были ко мне так добры, — вставил Честер.

— Само собой! — воскликнул Ломтик. — Ну, а если малая толика награды за труды попадет в сточную трубу, где живет некий добрый старый друг Честера, — кому от этого будет хуже?

— Но я все равно не понимаю, как мы будем зарабатывать деньги, — сказал Честер.

— Детали я еще не продумал, — признался Ломтик. — Но одно могу сказать точно: здесь, в Нью-Йорке, талант всегда заработает на кусок хлеба. Ясно одно: Честеру надо выучить больше разных песен. Хотя лично мне больше нравятся его собственные сочинения — извини, Честер.

— Ну что ты, — ответил сверчок. — Мне тоже.

— А вот людям, — продолжал Ломтик, — вот людям — уж такие они существа, эти люди, и можно ли их за это винить? — больше нравится то, что написали другие такие же люди.

— Но как же я выучу новые песни? — спросил Честер.

— Легко и просто, — сказал Ломтик. Он прошмыгнул к радио, налег всем своим весом на ручку настройки и включил приемник.

— Не делай большую громкость, — посоветовал Гарри. — Вдруг на станции кто-нибудь услышит и заинтересуется.

Ломтик крутил ручку до тех пор, пока из динамиков не полилась нежная протяжная мелодия.

— Учи на слух и играй, — сказал мышонок Честеру.

Так началось официальное музыкальное образование Честера. Прошлой ночью, на вечеринке, он играл для веселья, но теперь твердо вознамерился выучить человеческую музыку. До утра он успел запомнить три отрывка из разных симфоний, с полдюжины песенок из музыкальных комедий, соло из скрипичного концерта и четыре гимна, которые подслушал в ночной религиозной передаче.

На следующее утро — это было последнее воскресенье августа, — Беллини пришли открывать киоск втроем. Они едва могли поверить во вчерашнее чудо и очень хотели знать, будет ли Честер и дальше исполнять знакомые песни. Марио накормил сверчка обычным завтраком, состоящим из листьев шелковицы и воды; Честер ел не спеша. Он видел, что все очень переживают, и почти наслаждался сознанием

того, что его ждут. Поев, он хорошенько потянулся и расправил крылышки.

Поскольку на календаре было воскресенье, Честер решил, что начать его неплохо будет с гимна, и открыл концерт исполнением «Твердыни вечной». При первых же звуках мама, папа и Марио расплылись в улыбках. Беллини смотрели друг на друга, но не осмеливались произнести ни слова, и только их глаза говорили о радости, которую они испытывали.

После «Твердыни вечной» Честер сделал паузу, чтобы передохнуть. В этот момент к киоску подошел мистер Сидли, явившийся за ежемесячным номером «Музыкальной Америки». Под мышкой учитель музыки, как обычно, держал аккуратно свернутый зонт.

— Здравствуйте, мистер Сидли! А мой сверчок поет гимны! — воскликнул Марио, не дав покупателю даже поздороваться.

— И оперную музыку! — сказал папа.

— И итальянские песни! — сказала мама.

— Гм-гм, — сказал мистер Сидли, который, конечно же, не поверил ни единому слову. — Я смотрю, мы полюбили нашего сверчка. Но не слишком ли большую волю мы даем воображению?

— Да нет же! — возразил Марио. — Вот, послушайте! Он сейчас еще споет.

Честер попил воды и готов был музицировать дальше. Однако на этот раз вместо «Твердыни вечной» он бравурно исполнил гимн «Вперед, Христовы воины».

Мистер Сидли вытаращил глаза. Рот у него приоткрылся, и краска сбежала с лица.

— Не присядете, мистер Сидли? — предложил папа. — Что-то вы побледнели.

— Да, пожалуй, сяду, — согласился мистер Сидли и вытер шелковым платком лоб. — Это было весьма неожиданно.

Мистер Сидли вошел в киоск и опустился на табуретку. Теперь его лицо было всего в нескольких дюймах от клетки, в которой сидел сверчок. Честер просверчал второй куплет гимна и закончил низким «аминь».

— Именно этот гимн играл сегодня органист у нас в церкви, — вымолвил учитель музыки, забывший дышать, — но у сверчка получается в десять раз лучше! Конечно, он не может петь так же громко, как орган, однако недостаток громкости с лихвой восполняется выразительностью исполнения.

— Это еще что, — гордо сказал папа Беллини. — Слышали бы вы, как он поет «Аиду»!

— Вы позволите мне провести маленький эксперимент? — спросил мистер Сидли.

Семейство Беллини хором сказала «да». Учитель музыки просвистел гамму — до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Честер согнул лапки и повторил гамму, так быстро, словно чья-то невидимая рука провела по струнам арфы.

Мистер Сидли снял очки. Глаза его были влажные.

— У него абсолютный слух, — сказал он дрожащим голосом. — За всю свою жизнь я видел такое лишь однажды — у певицы сопрано по имени Арабелла Хеффлфингер.

Честер заиграл снова. Он исполнил еще два выученных ночью гимна — «Четки» и «Твердыня наша — вечный бог», — а затем перешел к скрипичному концерту. Конечно, он не мог играть сразу за весь оркестр, однако в его исполнении концерт звучал поистине великолепно и не утратил ни капли выразительности.

Попривыкнув к мысли о том, что слушает концерт в исполнении сверчка, мистер Смедли стал получать искреннее удовольствие от происходящего. Особенно он отметил «фразировку», то есть то, что сверчок играл каждую ноту четко и внятно, не смешивая их между собой. Порой, будучи особенно тронут каким-нибудь пассажем, учитель указывал на сердце и говорил:

— Этот сверчок проникает прямо сюда!

Честер играл и играл, а вокруг киоска мало-помалу собиралась толпа. После каждой песни слушатели аплодировали и говорили семейству Беллини, что у них просто замечательный сверчок. Мама и папа чуть не лопались от гордости. Марио, конечно, тоже был рад, но он-то давно знал, что Честер — необычный, удивительный сверчок.

Когда концерт был окончен, мистер Смедли встал и пожал руки папе, маме и Марио.

— Благодарю вас. Это был самый прекрасный час в моей жизни, — сказал он. — Об этом сверчке должен узнать весь мир. — Тут в его глазах вспыхнула мысль. — Послушайте, а напишу-ка я о нем редактору музыкального отдела «Нью-Йорк таймс». Его это наверняка заинтересует.

И мистер Сидли написал редактору вот такое письмо:

Редактору музыкального отдела «Нью-Йорк таймс» и всем жителям Нью-Йорка.

Возрадуйтесь, о жители Нью-Йорка, ибо в городе у нас появилось новое музыкальное чудо! Сегодня, в воскресенье 28 августа — день, который поистине войдет в историю музыки, — я удостоился редкого удовольствия внимать прекраснейшему исполнению из всех, коих был очевидцем на протяжении всей своей жизни, посвященной величайшему из искусств. (То есть музыке.) Будучи специалистом в области музыки и получив музыкальное образование в известнейшей городской музыкальной школе (диплом с отличием), я способен квалифицированно оценить исполнение, и потому уверенно утверждаю, что никогда еще в Нью-Йорке не звучали столь чистые напевы!

«Но кто же певец? — спросит меня искушенный ценитель музыки. — Быть может, это неизвестный еще публике исполнитель, прибывший в город после триумфальных гастролей по столицам Европы?»

Нет, собрат мой меломан, ты ошибаешься.

«Тогда, возможно, это некий одаренный скрипач, который трепетно касается смычком возлюбленной своей скрипки?»

И снова нет, друг мой.

«Вероятно, это пианист, вдохновенный обладатель длинных чутких пальцев, извлекающих чарующие звуки из сверкающих клавиш слоновой кости?»

Ах, ценитель, и вновь ты не угадал. Исполнитель, о котором я говорю, — сверчок! Обычный сверчок в половину моего мизинца длиной (правда, мизинец у меня длинный, поскольку я играю на фортепиано). Этот сверчок исполняет оперную, симфоническую, популярную музыку! И разве ошибаюсь я, говоря, что это не назвать иначе, чем чудом?

Где же обитает сей незаурядный исполнитель? О нет, ценители, не в Карнеги-холле, не в Метрополитен-опере, нет. Вы найдете его в газетном киоске семейства Беллини на станции метро «Таймс-сквер». И я всячески рекомендую каждому мужчине, женщине и ребенку, у которых в душе живет музыка, побывать хотя бы на одном из его великолепных — вернее даже, восхитительных — концертов.

Очарованный слушатель

Горацио П. Смидли

P.S. Кроме того, я даю уроки игры на фортепиано. За информацией обращаться по адресу: Г. П. Смидли
1578 Западная 63-я улица
Нью-Йорк.

ГЛАВА 13

Слава

Получив письмо мистера Смидли, редактор музыкального отдела «Нью-Йорк таймс» несколько удивился, однако, веря в свободу печати, опубликовал его на той же странице, где помещали статьи о театре и музыке. И на следующее утро тысячи людей — дома за завтраком, в автобусах и поездах по дороге на работу — читали про Честера.

Беллини открывали киоск очень рано. Папа распечатал пачку «Таймс», взял одну газету и пролистал в поисках письма. Обнаружив его, он прочел письмо вслух маме и Марио. Потом он сложил газету и положил ее обратно в пачку, на продажу.

— Ну, — сказал папа, — у нас завелась знаменитость.

Сама знаменитость в это время зевала и потягивалась в клетке. Ночью Честер почти не спал, потому что с помощью своего менеджера, а также кота Гарри разучивал новые песни. Позавтракав и еще раз потянувшись, он провел одним крылышком по другому, словно скрипач, проверяющий, хорошо ли настроена

скрипка. Крылышки звучали прекрасно. В это время года сверчать хотелось невыносимо. Честер пару раз прошелся по гамме и принялся играть.

Первой песней он выбрал нечто под названием «Маленькая ночная серенада» — эту вещь он услышал по радио ночью. Написал «Серенаду» человек по фамилии Моцарт. Она понравилась всем троим, и Честеру, и Ломтику, и Гарри. Решено было, что сверчок выучит это произведение, потому что, во-первых, оно было первым из услышанных той ночью, а во-вторых, потому, что Честер ведь тоже размером невелик. Да и музыка была прекрасная, а некоторые кусочки мелодии точь-в-точь походили на прыжки и пляски веселых жучков-паучков.

Честер играл, а пассажиров на станции становилось все больше. Они собирались вокруг газетного киоска — кого-то привлекли мелодичные звуки, а кто-то хотел посмотреть на сверчка, о котором написали в газете. А уж в Нью-Йорке всегда так: стоит собраться небольшой толпе, как всем остальным тотчас тоже захочется знать, на что это там люди смотрят. Так ведут себя пчелы; так ведут себя и люди.

Чей-то голос спросил, кто это играет.

— Сверчок, — ответил другой.

— Будет вам шутить! — ответил голос и зашелся смехом.

Стоявшая впереди дама в шляпке с перьями слушала музыку с явным удовольствием. Она повернулась назад и сердито шикнула:

— Ш-ш-ш!

Поодаль на той же станции стоял человек с газетой и читал письмо мистера Смидли, а еще двое читали у него через плечо.

— Боже мой! — сказал тот, что справа. — Сверчок! Да кто в это поверит!

— Выдумки это все, — сказал тот, что слева. — Небось запись крутят.

Стоявший между ними человек резко закрыл газету.

— Никакие не выдумки! — сказал он. — Это маленькое живое существо, и оно прекрасно поет! Откажусь-ка я от сезонного абонеента в филармонию.

Везде и всюду люди говорили про Честера, спорили о Честере, слушали Честера.

Марио сложил старые журналы в высокую стопку и поставил на них клетку со сверчком, чтобы всем было лучше видно и слышно. Стоило Честеру доиграть, как по станции неслось: «Еще! Еще!» Сверчок делал несколько глубоких вдохов, отпивал воды, расправлял крылышки и поскорее начинал играть новую мелодию.

Толпа продолжала расти. Никогда еще мама Беллини не видела у своего киоска столько людей. Впрочем, мама была не из тех, кто, будучи ослеплен удачей, упускает свой шанс. Она сунула под мышку пачку «Таймс» и пошла вокруг киоска, негромко — чтобы не мешать любителям музыки слушать, — приговаривая:

— Читайте про сверчка, читайте про сверчка, покупайте «Нью-Йорк таймс».

Газеты расходились как горячие пирожки. Маме несколько раз приходилось возвращаться за новой пачкой. За каких-нибудь полчаса «Таймс» была распродана подчистую.

— Ну что ты сидишь тут и жмуришься! — зашипела мама на папу (папа Беллини был из тех людей, которые любят слушать музыку с закрытыми глазами) и сунула ему стопку «Музыкальной Америки». — Продавай! Сейчас самое время!

Папа вздохнул, но повиновался. Очень скоро «Музыкальная Америка» тоже была распродана. Можно было с уверенностью утверждать, что никогда еще на станции «Таймс-сквер» не любили музыку так, как в то утро.

Ломтик и Гарри слушали музыку из своей трубы, причем Гарри — с закрытыми глазами, точь-в-точь как папа Беллини. Людей было столько, что они совершенно заслоняли собой киоск. Но песенка Честера лилась поверх голов, сквозь частокол ног и спин, и чистые ее звуки наполняли станцию.

— А я говорил! — повторял Ломтик всякий раз, когда песня стихала. — Нет, ты посмотри на них! Это же целое состояние! Эх, были бы мы повыше ростом, могли бы ходить со шляпой и собирать деньги!

Однако Гарри лишь улыбался. Ему нравилось просто сидеть и слушать музыку.

А толпа все росла. Семьсот восемьдесят три человека опоздали на работу, потому что остановились послушать Честера — и это только в первый день!

В следующие несколько дней о сверчке написали и другие газеты. А «Музыкальная Америка» даже прислала редактора (то есть помощника редактора) послушать выступление. О Честере рассказывали в радиопередачах и по телевизору. В каждой передаче новостей непременно упоминался удивительный сверчок, который услаждает музыку толпы читателей на станции «Таймс-сквер».

Беллини решили, что будет лучше всего, если Честер станет играть рано утром или в конце рабочего дня, потому что в это время на станции было больше всего народу. Концерты начинались в 8:00 утра и в 4:30 вечера и длились обычно по полтора часа (не считая выступлений на бис).

Киоск процветал. Мама заказывала все больше журналов и газет, но даже и тогда к закрытию все они бывали распроданы. Кстати, сама мама Беллини стала сверчку лучшим другом, о каком только можно мечтать. Днем она торопилась домой и готовила Честеру какой-нибудь деликатес на обед — крохотный фруктовый салат или целый вегетарианский обед, который весь целиком уместился бы на серебряном долларе. Честно говоря, листья шелковицы нравились Честеру больше, но он неизменно съедал угощение, чтобы не обижать маму.

Сай Фонг увидел фотографию Честера в газете и продолжал снабжать Марио листьями шелковицы. Сай Фонг откопал у себя на чердаке два складных стула и каждый день вместе со своим престарелым другом являлся на станцию в восемь утра и в половине пятого дня, чтобы послушать новую программу Честера.

Мистер Сидли тоже приходил по меньшей мере раз в день. Он приносил кассетный магнитофон и записывал все новые песни сверчка. Когда наступал антракт — а его обязательно устраивали посреди представления, чтобы Честер минут десять отдохнул, — мистер Сидли читал краткие лекции о том, как следует слушать музыку.

К четвергу сверчок Честер превратился в самого знаменитого музыканта Нью-Йорка. Но вот странность: это вовсе не принесло ему счастья — раньше он был счастливее. В жизни его не осталось радости и свободы, к которым он привык.

Честер думал, что известность — это здорово, но обнаружил, что от известности устаешь. Давать по два концерта каждый день очень утомительно. А кроме того, Честер не привык играть по расписанию. Дома, на лугу, он сверчал, когда было настроение — приятно пригревало солнце, или поднималась полная луна, или хотелось перекинуться парой нот со знакомым жаворонком. А здесь выступление начиналось в восемь и в четыре тридцать, хотел он того или нет. Конечно, Честер был рад, что может помочь

Беллини, но играть ему было совсем уже не так весело, как прежде.

И еще одно: Честеру было не по себе, когда на него смотрели. Во время выступления еще было терпимо. Все молчали и слушали музыку. Но когда представление было окончено, вокруг клетки смыкалась толпа. Люди подносили лицо к самым прутьям клетки и совали пальцы сквозь решетку. Охотники за сувенирами уносили Честеровы бумажные стаканчики и недоеденные листья шелковицы. Честер понимал, что они не со зла, но никак не мог привыкнуть к тому, чтобы постоянно быть на виду у миллионов глаз. Он так уставал от внимания, что после концертов стал заползать в спичечный коробок и затыкать за собой вход кусочком салфетки.

В четверг произошли три события, которые очень его опечалили. Во-первых, наступил сентябрь. Первый день нового месяца. Взгляд Честера упал на шапку газеты «Таймс», там стояла дата — 1 сентября. Пришел новый месяц, а с ним — новое время года. Подступила осень. Почему-то мысль о сентябре и обо всех переменах, что он несет, заставила Честера почувствовать себя очень маленьким и несчастным.

Тем же вечером, когда он давал концерт, на станцию залетел сухой бурый лист, первый лист осени, и опустился совсем рядом с клеткой. Этот лист прилетел из Нью-Джерси. Шаловливый ветер закружил его над Гудзоном, вихрем пронес по Сорок второй улице и зашвырнул на станцию подземки. Честер играл ка-

кую-то песню, и тут лист опустился на прилавок. Неказистое это напоминание об осени, что уже шагала по лесам, так потрясло Честера, что он на миг умолк, не в силах играть. Правда, потом он все же вспомнил, где он и что делает, и заставил себя продолжать. Один только Марио заметил, что музыка прервалась.

Но самое худшее случилось после концерта. Честер стоял, привалившись к спичечному коробку, как вдруг между прутьями клетки показались два пальца и потянулись к крошечному серебряному колокольчику. Пальцы эти не принадлежали ни маме, ни папе, ни Марио — Честер прекрасно знал, как выглядят руки Беллини. Это был чужой человек, и он хотел украсть колокольчик! Пальцы уже почти сомкнулись на добыче, но тут сверчок издал тревожную трель.

Папа повернулся к клетке, увидел, что происходит, и закричал:

— Эй! Что вы делаете!

Вор растворился в толпе.

Мама и Марио ходили вокруг киоска, распродавая последние оставшиеся газеты. Услышав крик, они подбежали к киоску.

— Что случилось? — спросила мама.

— Здесь был вор, — сказал папа.

— Сверчок цел? — тревожно спросил Марио.

— Да, — ответил папа. — Он в спичечном коробке.

Марио взял коробок и заглянул внутрь. Честер сидел внутри, заткнув за собой вход салфеткой.

— Вылезай, — сказал мальчик. — Вор ушел.

Но Честер не хотел вылезать. Марио уже заметил, что сверчок стал прятаться после каждого выступления, и это показалось мальчику тревожным знаком.

Мама Беллини была твердо убеждена, что к ним приходил не просто вор, а похититель — похититель сверчков! Однако папа объяснил, что преступника интересовал только колокольчик.

— Этот колокольчик принадлежит сверчку, — сказал Марио. — Ему мистер Фонг подарил.

Мальчик отцепил колокольчик и спрятал его в каску вместе с мамиными сережками, чтобы никто больше на него не позарился.

Честер все сидел в коробке. Марио слегка отодвинул салфетку и шепнул:

— Выходи, ну пожалуйста.

Честер заворочался и засверчал, но вылезать отказался.

— Что с ним такое? — спросил папа.

— По-моему, он заболел, — сказал Марио. Мальчик предложил сверчку вкусный лист шелковицы. Сверчок высунул голову из коробка. Увидев, что зрители разошлись, он прыгнул Марио на ладонь.

— Надо показать его жучиному доктору, — сказала мама. — Как он называется?

— Энтомолог, — сказал Марио, придерживая лист, чтобы Честер мог от него откусить.

— Вот этому мологу и покажи, — распорядилась мама.

— Возможно, он просто устал, — сказал папа. — Надо бы дать ему передохнуть денек-другой.

Честер наелся, издал коротенькую благодарную трель и снова прыгнул в коробок.

— Он стал такой грустный, — сказал Марио.

— А ты откуда знаешь? — спросила мама.

— Я же вижу, — сказал Марио. — Если бы я был сверчком, мне бы тоже сейчас было грустно.

Марио поставил коробок в клетку.

— На следующей неделе начинается школа, — сказал он. — Правда, вы будете заботиться о сверчке, пока я на уроках?

— Конечно, Марио, — сказал папа. — Мы ведь тоже его любим, ты же знаешь.

Мальчик не сводил глаз с клетки. Лоб его был тревожно нахмурен.

— Ему здесь плохо, — сказал он наконец. — Мне даже как-то жаль, что он попал в Нью-Йорк.

Услышав это, Честер задумался. Он думал о словах Марио, пока Беллини закрывали киоск ставнями. Думал и позже, в темноте, когда они уже ушли домой. А потом в голове у него словно бы что-то щелкнуло, вставая на место, и Честер почувствовал огромное облегчение. Он принял решение. Он вздохнул, напряжение из крылышек и ножек ушло, и Честер стал дожидаться прихода Ломтика.

ГЛАВА 14

Орфей

Долго ему ждать не пришлось. Через несколько минут послышался топоток. Ломтик вбежал в киоск, поднялся по табуретке и прыгнул на полку. Следом, бесшумно, как всегда, неспешной походкой пришел Гарри.

Став менеджером знаменитого музыканта, Ломтик завел привычку держаться очень серьезно.

— Добрый вечер, Честер, — сказал он. — Прости за непрошенный совет, однако должен заметить, что, исполняя сегодня «Звезды и полосы», ты не всегда держал темп. Даже достигнув известности, нельзя расслабляться. А теперь давай приступим к репетициям.

Честер вылез из коробка.

— Можно я хотя бы поздороваюсь с Гарри? — спросил он.

— Ну, поздоровайся, — сказал Ломтик. — Привет, Гарри! Привет, Честер! Все, с приветствиями покончено, теперь давай репетировать.

Честер поглядел на Гарри и покачал головой. Кот улыбнулся и подмигнул.

Ломтик покрутил ручку настройки. Честер устало приподнял крылышки и приготовился играть. По радио передавали ирландскую джигу. Сверчок приготовился и хотел было заиграть первые такты этого шального танца, однако вдруг опустил крылышки и сказал:

— У меня сегодня нет настроения.

— Что с тобой? — спросил Ломтик.

— Мне не хочется играть, — ответил Честер.

— Не хочется играть? — воскликнул мышонок. — Да это все равно что солнце скажет: «Мне не хочется светить!»

— Что ж, бывают ведь и облачные дни, — сказал сверчок. — Разве нельзя мне тоже отдохнуть?

— Э-хе-хе, — расстроено протянул Ломтик.

— Дай ему выходной, — посоветовал Гарри. — Что случилось, Честер? Утомило бремя славы?

— Просто у меня сентябрьская тоска, — вздохнул Честер. — Осень начинается. А в Коннектикуте осенью так красиво! Листья на деревьях становятся красными и золотыми. Воздух такой прозрачный — только вдали легкий дымок от горящих листьев. Тыквы на грядках уже совсем большие...

— Давай сходим в Центральный парк, — предложил Ломтик. — Там тоже деревья становятся красными и золотыми.

— Это совсем другое, — сказал Честер. — Я хочу увидеть, как убирают кукурузу. — Он на мгновение умолк и смущенно поерзал на месте. — Я не хотел

вам пока говорить, но вы все равно, наверное, поймете. Я... я хочу уйти на покой.

— Уйти на покой? — пронзительно воскликнул Ломтик.

— Да, на покой, — негромко ответил Честер. — Я полюбил Нью-Йорк, мне нравятся люди, которые приходят меня послушать, но Коннектикут я люблю больше. И я возвращаюсь домой.

— Но-но-но... — беспомощно, заикаясь начал было Ломтик.

— Прости, Ломтик, но я все решил, — сказал Честер.

— А как же Марио? — спросил мышонок.

— Он хочет, чтобы я был счастлив, — ответил Честер. — Он сказал — ему жаль, что я попал в Нью-Йорк, раз мне здесь так плохо.

— А как же люди! — взмахнул передней лапкой Ломтик. — Как же тысячи людей — они страдают, но твоя музыка приносит им радость! Как же они?

— В Коннектикуте моя музыка тоже многим приносит радость, — сказал Честер.

— Это кому же? — недоверчиво спросил Ломтик.

— Ну... суркам, фазанам, уткам, кроликам — да всем, кто живет на лугу или у нашего ручья. Как-то раз одна бычья лягушка сказала, что моя музыка нравится ей больше всего на свете, за вычетом разве что шума дождя на пруду. А однажды мимо моего пня гналась за кроликом лиса, и оба остановились, чтобы послушать, как я играю.

— А дальше что было? — спросил Ломтик.

— Кролик успел юркнуть в нору, — сказал Честер. — Лиса хотела было его схватить, но тут я заиграл ее любимую песенку, и она остановилась, чтобы послушать. А разве хоть для одного человека в метро я могу сделать что-то подобное?

— Ну, не знаю, — протянул Ломтик и повернулся к коту: — Гарри, скажи ему! Пусть остается!

— Да, Гарри, скажи, что ты об этом думаешь, — попросил и Честер.

Какое-то мгновение кот сидел абсолютно неподвижно. Только усы его подрагивали, выдавая напряженную работу мысли.

— Я думаю, — сказал наконец кот, — что Честер сам должен решать, чего ему нужно. Что толку быть знаменитым, если это не приносит счастья? Люди тоже порой уходят на покой на самом пике карьеры. Впрочем, должен честно признаться, что, если Честер уедет, мне будет очень его не хватать.

У мышонка Ломтика зачесалось левое ухо — верная примета. Слова «на пике карьеры» поразили его воображение.

— Это же, наверное, такой мощный шаг, — сказал он. — Быть на вершине — и бросить все. Вот это сильный ход! — Видно было, что идея завладела всем его мышинным существом. — Я прямо наяву все это вижу. Он достигает вершины славы... это же то же самое, что пик карьеры, да?

— Именно, — ответил Гарри и улыбнулся Честеру.

— Достигает вершины славы — и исчезает! — Ломтик забежал взад-вперед по полке. — Газетчики с ума сойдут! Где он? Куда пропал? Никто не знает. Он ушел, оставив по себе лишь прекрасные воспоминания. Как трогательно! Как красиво!

Голос его надломился.

— Меня беспокоит только одно, — сказал Честер. — Если я уйду, то что станет с киоском?

— Об этом можешь не беспокоиться, — ответил Гарри. — Этот киоск уже отмечен золотой печатью Фортуны. Того и гляди, устроят тут национальный парк.

— Что, правда? — спросил Честер.

— Даже если и нет, — ответил Гарри, — Беллини не пропадут, в этом я уверен. Они теперь тоже знаменитости.

— Так когда последний концерт? — спросил Ломтик.

Честер на мгновение задумался.

— Сегодня четверг, — сказал он. — Давайте завтра вечером?

— Закончить карьеру в пятницу — отличный ход, — согласился мышонок. — Если я когда-нибудь решу завершить карьеру снабженца, то сделаю это в пятницу.

Честер глубоко вздохнул.

— Уфф, теперь мне легче, — сказал он. — Я готов еще что-нибудь разучить на завтра.

— Зачем? — возразил Гарри. — Сегодня твоя последняя ночь в Нью-Йорке. Подумай и о себе!

— А пойдем к нам в трубу! — предложил Ломтик. — Устроим пир в честь твоего ухода на покой. У меня там куча еды... а спичек совсем нет, ничего не загорится!

И трое друзей — кто вприпрыжку, кто семена, кто крадучись, — отправились в жилище Ломтика и закатали там прощальный пир. И всем им было очень хорошо.

На следующий день без пяти шесть Честер готовился исполнить последнюю свою мелодию в Нью-Йорке. Был вечер пятницы, самое суматошное время. К людям, возвращавшимся домой с работы, добавились толпы мужчин и женщин, которые собирались уехать из города на выходные и направлялись на вокзал Гранд-Централ. Но по пути все останавливались, чтобы послушать Честера. Вокруг киоска столпилось столько народу, что полицейским пришлось выгородить веревками коридоры к выходу из метро.

Сверчок закончил самый лучший свой концерт. Для финального выступления он выбрал секстет из оперы «Лючия ди Ламмермур». Музыка эта была написана для шести голосов, но при всех своих талантах Честер мог исполнять только одну партию. Он выбрал партию тенора, потому что в ней чаще всего повторялась основная тема.

Никто об этом и не подозревал, но Честер играл секстет в честь семьи Беллини. «Лючия ди Ламмер-

мур» была самой любимой оперой папы, и мама с Марио тоже ее любили. Честер хотел, чтобы они навсегда запомнили его игру. При первых же нотах папа Беллини счастливо вздохнул и откинулся на спинку стула, закрыв глаза. Мама навалилась на прилавок, подперев рукой подбородок. Звуки знакомой мелодии вызвали на ее лице улыбку, которой она сама не замечала. Марио склонился над клеткой и зачарованно следил, как Честер взмахивает крылышками, извлекая из них музыку. Мальчик был страшно горд тем, что все вокруг слушают его сверчка.

Ломтик и Гарри сидели бок о бок у края водосточной трубы. Только они знали, что этот концерт — последний, и оттого настроение у них было торжественное и с ноткой грусти. Но музыка была так прекрасна, что и они не могли не испытывать счастья.

— Это секстет из «Лючии ди Ламмермур», — сообщил Ломтик, который за прошедшую неделю успел стать крупным специалистом во всем, что имело отношение к музыке.

— Если бы сюда еще пятерых сверчков, таких как Честер! — шепнул в ответ Гарри. — Они сыграли бы все шесть партий разом.

И кот с мышонком вновь умолкли и слушали до конца, не смея ни ухом повести, ни усом шевельнуть.

Музыка, которую играл Честер, заполнила всю станцию. Люди замолкали, и молчание распространялось от киоска кругами, словно волны от брошенного в воду камня. Люди слушали, и на лицах их

проступало новое выражение. Уходила из глаз тревога, и взгляд становился мягче и спокойнее; утихала пустая болтовня; утомленный шумом города слух отдыхал, внимая мелодии, которую выводил сверчок.

Когда песня Честера достигла других киосков, их продавцы умолкли и перестали рекламировать свой товар. Продавец Микки перестал наливать кока-колу. У дверей конфетной «Лавочки Лофти» остановились, заслушавшись, три девочки. Молчали пассажиры, которые, выйдя с нижнего уровня, собирались спросить дорогу у полицейских. Станция молчала, и нарушить ее молчание не осмеливался ни один человек.

Песня сверчка поднималась вверх, проникала сквозь вентиляционные решетки в тротуаре, текла наружу. По Бродвею шел мужчина; вдруг он остановился и прислушался. За ним остановился еще один. Через минуту вокруг решетки собралась небольшая толпа.

— Что случилось?

— Авария?

— Что происходит?

По толпе гуляли шепотки. Однако стоило им на миг замолчать, как все тотчас услышали музыку.

Вскоре толпа уже не помещалась на тротуаре. Чтобы никто не пострадал, полицейскому пришлось остановить движение. И тогда те, кто был в машинах, тоже услышали песенку Честера. Вы скажете,

что тихое пение сверчка не может нестись так далеко, но нет — в тишине его звонкий голосок можно услышать за много миль.

Улица остановилась. Замерло все — автобусы, автомобили, люди. И что удивительнее всего — все восприняли это как должное. В самом сердце самого шумного и суматошного города мира один-единственный раз в жизни люди замерли, стараясь не дышать. И пока лилась песня, на Таймс-сквер царила та тишина, какая бывает разве что на лугу, и лишь солнце лило свой свет на замерших на месте пешеходов да легкий ветерок ласково щекотал их, словно в поле высокую траву.

ГЛАВА 15

Вокзал Гранд-Централ

После концерта мама и папа Беллини уехали куда-то по делам. Продавать газеты они оставили Марио, сказав, что вернутся поздно и все вместе закроют киоск. Мальчик выпустил Честера из клетки и посадил к себе на палец. Он был рад, что в кои-то веки они с Честером смогут побыть вдвоем.

Первым делом Марио достал картонку, на которой было написано: «Следующий концерт состоится в 8:00 утра» и поставил ее перед клеткой.

— Это чтобы к нам не приставали с расспросами насчет следующего твоего выступления, — сказал он.

Честер издал коротенькую трель. Он знал, что следующего концерта в восемь утра не будет.

— А теперь давай ужинать, — сказал Марио. Для себя он достал завернутый сэндвич с яичницей, а для Честера вытащил из кассы лист шелковицы. (Листья

лежали в отделении по соседству с двадцатипятицентовыми монетами.) На десерт была шоколадка «Херши» — краешек уголка съел Честер, а все остальное досталось Марио.

Полужинав, они стали играть. Больше всего обоим нравилась чехарда. Марио сжимал кулак, а Честер через него прыгал. Фокус был в том, что кулак мог оказаться в любой точке прилавка, а Честер должен был приземлиться по другую его сторону. Полчаса они играли и вели счет. Честер перепрыгнул тридцать четыре раза и еще пять промахнулся — неплохой результат, учитывая, что Марио ставил кулак в самые сложные места.

Играть в прятки тоже было весело. Марио закрывал глаза и считал, а Честер прятался где-нибудь на прилавке. Тут и там на нем лежали стопки газет, да и Честер был невелик, а потому ему было где спрятаться. Если Марио не удавалось найти сверчка, через минуту-другую Честер издавал коротенькую трель — подсказывал. Но угадать, откуда шел звук, все равно было очень трудно — то ли из-за будильника, то ли из коробки с салфетками, а может, из ящика кассы. Если Честеру приходилось подавать голос трижды, считалось, что он выиграл.

Около десяти часов вечера Марио начал зевать, и игры пришлось прекратить. Мальчик сидел на табуретке, опираясь спиной о прилавок, а Честер сверчал для него одного. Сверчок не стал вспоминать всю ту музыку, что успел выучить, и играл собствен-

ную мелодию. И очень тихо, чтобы больше никто на станции не услышал и не подошел. Он хотел, чтобы это была песня только для них с Марио. Мальчик слушал, и глаза его медленно закрывались, а голова клонилась набок. Однако даже сквозь сон он слышал серебристый голосок сверчка.

Окончив свою песенку, Честер замер, глядя на Марио.

С пола послышалось: «Псст!» — точь-в-точь как в первую ночь, которую сверчок провел здесь. Честер посмотрел вниз. Там стоял, задрав голову, Ломтик. Честер только сейчас заметил, какая у него смешная, но при этом симпатичная мордочка.

— Давай быстрее, — прошептал Ломтик. — Гарри нашел расписание. До поезда всего час!

— Я через минутку, — ответил ему Честер.

— Ну ладно, — ответил мышонок и юркнул прочь.

Пальцы лежавшей на колене правой руки Марио были чуть согнуты, словно чашка. Сверчок прыгнул ему на ладонь. Мальчик почувствовал это и пошевелился. Честер испугался, что разбудит его, но Марио лишь устроился поудобнее. Сверчок поднял крылышки и легонько провел одним по другому, вложив в прощальную трель всю свою любовь. Услышав знакомый звук, Марио улыбнулся сквозь сон.

Честер оглядел прилавок — коробка салфеток, будильник, папина трубка. Взгляд сверчка задержался на кассе. Честер быстро вскочил на край ящика и нырнул в темноту. Когда он оттуда вылез, к левой

передней его лапке был прицеплен колокольчик. Крепко прижав его к себе, чтобы заглушить звук, Честер спрыгнул на табуретку, оттуда на пол и в трещину.

— А колокольчик зачем? — спросил Ломтик, когда Честер явился в сточную трубу.

— Это мой колокольчик, — ответил Честер. — Марио сам так сказал. Я буду на него смотреть и вспоминать все, что со мной было.

Ломтик пошарил в углу, где лежала груда хлама — это была его кладовка, — и достал крошечный паке-тик, обмотанный скотчем.

— Я тут тебе собрал поесть в дорогу, — сказал он. — Ничего особенного, ну, в смысле, никаких деликатесов — кусочек сэндвича с мясом и шоколадное печенье, — хотя, конечно, ты заслуживаешь большего.

— Спасибо тебе, Ломтик, — поблагодарил Честер. Он хотел, чтобы это прозвучало весело, но голос у него дрожал.

— Пожалуй, пора, — сказал Гарри.

— Пора, — согласился Честер и бросил последний взгляд на трубу. С нижней платформы слышался шум поезда. Марио спал, положив голову на прилавок. Неоновые вывески привычно переливались голубым и зеленым. Сверчку хотелось запомнить каждую мелочь.

— Как странно, — сказал он. — Иногда эта станция кажется мне почти красивой.

— А для меня она всегда красивая, — сказал Ломтик.

— Идемте, — снова позвал Гарри, и бок о бок с ним и Ломтиком Честер стал подниматься вверх, на тротуар.

На улице стоял ясный свежий вечер — уже не такой жаркий, как летом, но еще не набравший осенней прохлады. Честер вспрыгнул на спину Гарри и уцепился за шерсть. Возможно, он мог бы допрыгать до вокзала Гранд-Централ и сам, но верхом на коте было быстрее. Кроме того, деревенскому сверчку пришлось бы нелегко, вздумай он переходить городские улицы. А Ломтик и Гарри были опытными горожанами и знали, как себя вести. Беззвучно, не попадаясь на глаза людям, они легко пробирались под припаркованными вдоль Сороковой улицы автомобилями.

Когда они добрались до вокзала, Гарри повел их по перепутанным трубам, пустым помещениям и черным ходам туда, где стояли поезда. Гарри был великий исследователь и знал едва ли не все тайные ходы и выходы в Нью-Йорке.

Последний экспресс отправлялся с пути номер восемнадцать. Честер запрыгнул на заднюю ось последнего вагона и подыскал себе уголок, где не будет ветра. До отправления поезда оставалось всего несколько минут.

— Но как ты узнаешь, что уже прибыл в Коннектикут? — спросил Ломтик. — Ведь ты ехал сюда под горой сэндвичей и ничего не видел.

— Я догадаюсь! — ответил Честер. — Я почую запах деревьев, попробую воздух на вкус и догадаюсь.

Они молчали. Прощаться всегда труднее всего.

— Если будет желание, приезжай к нам в гости следующим летом, — предложил Гарри. — Дорогу ведь ты теперь знаешь.

— Устроим повторные гастроли в киоске у Марио, — подхватил Ломтик.

— Может, и приеду, — сказал Честер.

Они снова замолчали. И тут поезд дернулся. Стоило ему тронуться, как друзья тотчас поняли, что им надо было сказать друг другу еще миллион всего. Гарри закричал, чтобы Честер был осторожнее. Ломтик велел не волноваться о Беллини и обещал лично за ними присматривать. А Честер просто сверчал прощальную песенку, пока не выбился из сил.

Гарри и Ломтик постояли, глядя, как сверчок машет им лапкой, но вот поезд нырнул в темный туннель и пропал из виду. Кот и мышонок вгляделись в темноту.

— Слышал, он еще раз засверчал? — сказал Ломтик.

— Пойдем, Ломтик, — сказал Гарри. — Пойдем домой.

Они миновали площадь Таймс-сквер и спустились в свою трубу. Оба молчали. Выглянули на платформу — Марио еще спал.

— Он так расстроится, — сказал Ломтик.

С нижней платформы поднимались мама и папа Беллини. Мама запыхалась от подъема. Папа бережно потряс Марио за плечо, чтобы разбудить. Тут вдруг мама перестала шумно дышать и сказала:

— А где сверчок?

Они обыскали весь киоск, но сверчка так и не нашли. Мама заявила, что его похитил тот самый человек, который приходил за колокольчиком, и хотела звонить в полицию. Папа решил, что сверчок, наверное, пошел подышать свежим воздухом. Но Марио молчал и думал. Он заглянул в ящик кассы, во все отделения по очереди, а потом и вовсе его вытащил. За ящиком тоже ничего не было — только мамина сережка.

— Он не вернется, — сказал Марио.

— Откуда ты знаешь? — спросил папа.

— Он забрал свой колокольчик, — сказал Марио. — Только вы, я и сверчок знали, где он лежит. Если бы его украл вор, он бы и деньги из кассы тоже забрал. Нет, сверчок забрал свой колокольчик и ушел к себе домой. — Голос Марио упал, но тут же вновь окреп. — И я этому рад.

Мама хотела было закричать, что это полная чушь, но папа положил свою ладонь на мамину руку. И сказал, что не уверен, но — вполне может быть. Марио не стал ничего говорить. Он просто знал. Они закрыли киоск ставнями и пошли вниз, на перрон.

Ломтик посмотрел на Гарри.

— Он все понял, — сказал мышонок.

Гарри обернул хвост вокруг лап и подтвердил:

— Да, он все понял.

От облегчения они с минуту не могли пошевелиться. Теперь все было как надо. Честер уехал, но так будет лучше всем. Потом, спустя некоторое время, они залезли поглубже в трубу и улеглись на мятые газеты.

Но заснуть друзья не могли.

Ломтик перевернулся на другой бок.

— Гарри! — позвал он.

— Что? — спросил кот.

— А может, съездим следующим летом за город?

— Почему бы и нет.

— Я имею в виду — в Коннектикут, — уточнил Ломтик.

— Ну конечно, я так и понял, — ответил Гарри.

Литературно-художественное издание
Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста
6+

Сэlden Дж.
СВЕРЧОК СО СТАНЦИИ «ТАЙМС-СКВЕР»

Перевод с английского — Ирина Ющено
Редактор — Т. Носова
Корректор — О. Левина
Компьютерная верстка – А. Калмыкова

Подписано в печать 02.03.2022
Формат 84х108/32
Усл. п. л. 8,4
Печать офсетная
Бумага офсетная
Гарнитура sabon
Тираж 3000 экз.

ООО «Карьера Пресс»
111402, Россия, г. Москва,
ул. Вешняковская, 6-3-140
Тел.: + 7 926 604 65 58
www.careerpress.ru
e-mail: info.careerpress@gmail.com
info.careerpress@gmail.com

Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в

ЕАС

